

Антон Лик

Смерть ничего
не решает

Наират

АНТОН ЛИК

Смерть ничего не решает

«Снежный Ком»

2020

Лик А.

Смерть ничего не решает / А. Лик — «Снежный Ком»,
2020 — (Наират)

ISBN 978-5-904919-54-2

Много лет прошло с тех пор, как Наират пал перед степняками. В старинных дворцах теперь сидят нойоны и кунгаи: возлежат на подушках, пьют дорогие вина и устраивают кровавые игрища ради потехи. Но война для наиратского каганата не прекращается ни на день. Изгой, которую в буквальном смысле сбросили с небес за подлое убийство на дуэли. Вахтангар, оказавшийся в бегах и вынужденный прибиться к разбойникам. Поэт и книжник, которому предстоит стать лазутчиком в дикой и жестокой стране. А ясноокий каган стар, и, значит, схватка за белую кошму уже идет. Перед вами первая книга дилогии «Наират»: жесткая, атмосферная, не уступающая лучшим образчикам переводного фэнтези!

ISBN 978-5-904919-54-2

© Лик А., 2020
© Снежный Ком, 2020

Содержание

Пролог	6
Триада 1	8
Элья	8
Бельт	21
Туран	31
Триада 2	42
Элья	42
Бельт	55
Туран	67
Триада 3	80
Элья	80
Бельт	93
Туран	107
Триада 4	119
Элья	119
Бельт	133
Туран	144
Триада 5	158
Элья	158
Бельт	171
Туран	186
Триада 6	200
Элья	200
Бельт	214
Туран	228
Эпилог	241

Антон Лик
Смерть ничего не решает
Серия «Снежный Ком: Вакцир»

* * *

Пролог

Меня убили сегодня, в четверть третьего пополудни в полутемном дворе. Я знал это место. Три стены из желтого песчаника с петлями *золотарницы* и горбатый мост на арочной основе. Вытоптанная земля и редкие клочья травы у пропыленных опор.

Я часто дрался на дуэлях и столь же часто побеждал. А умирал впервые.

Это было подло – наносить удар после официальной остановки боя. И втройне подло бить в спину, в неприкрытый более узел. Укол, хруст ломающейся кости, острая боль между лопатками, стремительно тяжелеющие крылья. И на долю мгновения мир замирает. А потом... Потом солнце, такое непривычно подвижное, виляет влево, и тени бросаются под ноги, все разом, растворяя свет и отнимая силы; земля, качнувшись, обнимает, лижет щеку пыльным языком – я это не чувствую – вижу. Как вижу и сапоги убийцы, желтые и вытертые, с мелкими трещинами, будто сшитые из песчаника. Над ними – руки, в правой – свернутый кнут-браан, в левой – дымящийся нож.

– Ты заслужил, – говорит она, и крылья вздрагивают, выдавая напряжение. – Ты же знаешь, что заслужил, ты виноват, из-за тебя...

...из-за нее я умираю. Из-за девчонки, которая слишком слаба, чтобы играть честно, и слишком доверчива, чтобы думать самой. Я пробую это сказать, но в горле клокочет кровь, кислая и горячая, и я, уже заколотый, захлебываюсь, тону в ней. Наверное, это смешно.

Отсюда уже все смешно – и попытки доктора Ваабе удержать меня, и слабость собственного тела, которое упрямо истекает кровью. Хороший удар.

Но смешнее всего секунданты, что запоздало кричат друг на друга.

Брат расстроится, и Фаахи тоже. Меня обзовут глупцом, попавшимся в столь примитивную ловушку, и будут отчасти правы, я ведь до последнего надеялся, что она...

Она сделала выбор. Сразу и за всех. Заслужили.

– Ну что, довольна? – Раард отбирает нож. – Добилась справедливости?

Добилась. Они – и девчонка, и пославшие ее, и доктор, и секунданты – не понимают: все, что делается здесь или *внизу* – справедливо. Всегда справедливо. И поэтому всегда страшно.

Уже почти.

Немногое осталось, и мир меняется. Весь. Он всегда меняется, но никто этого не видит. Я заметил и вот теперь умираю. И радуюсь, что не увижу, во что он превратится дальше.

Звуки проступают ярко, а с ними цвета и запахи, которых не было прежде. Смятение Раарда – хризолитово-черное, как крылья его подопечной, темно-желтый страх, с оттенком золотарницы-удивления, и привкусом черники-боли. Смешение.

Прикосновения горячих пальцев к шее: давят на какие-то точки, жгут эманом. Бессмысленно. Ваабе просто пытается выполнить предписания, даже понимая всю безнадежность. И я не знаю, хочет ли доктор на самом деле услышать моё сердце. Но в любом случае оно молчит.

А Раард говорит. Не мне – ей:

– Браан тоже отдай. Надеюсь, ты понимала, чего творишь.

Вряд ли. Но когда-нибудь поймет, я уверен. Мне даже жаль ее.

И брата тоже жаль. Я должен был донести до него правду. Хотя бы до него.

– Господа, – заговорил доктор. Он весь ледяной, кроме кончиков пальцев, воняет формалином и недовольством. – Имею вам сообщить, что сего дня в четверть третьего пополудни благороднейший Каваард Ург-Хаас был убит. В связи с чем настоятельно рекомендую задержать Элью Ван-Хаард до окончания следственных процедур. Я лично доложу совету о произошедшем.

– Пошли. – Раард с ней строг, но это ложь, в которой он скрывает растерянность. – Глупая, при таком ударе тебе не отвертеться: расчетлив и точен. Хорош. Даже слишком.

Хорош, тут соглашусь: она старалась.
И я умер. Интересно, в этом есть какой-то смысл?

Триада 1

Элья

Если разделить уродца пополам, получим двух мертвых уродцев. У тебя хватит на это смелости?

Памфлет о трех мирах, больше известный как Вопросы третьему уродцу.

– Я хочу резать! – сказал кусок железа. И отправился в горы. Кузнецовы балобонки.

Перераспределение и территория *приемки* – это нормально. Это, считай, повезло. С учетом обстоятельств дела с Эльей могли обойтись и покруче. Но раздражения мысль не уменьшала, хотелось вогнать кинжал в живот хотя бы тренировочному чучелу. Увы, нельзя. Причина – маленький бланк с бурым пятном-оттиском Канцелярии. И двери родных казарм захлопываются перед Эльиным носом. Ну да, не положено нарушителю расхаживать среди честных воинов-фейхтов. И вроде бы правильно всё, предсказуемо, но до тошноты несправедливо.

Потому Элья и решила убраться отсюда затемно. Походная сумка с пожитками и сверток с оружием ждали на деревянной лежанке. Помощник интенданта – кто-то новый, с незнакомым рисунком крыла – принял по описи матрас, осмотрел прикроватный сундук и еще раз проверил печати на шнурах оружейного свертка, после чего свинцовым карандашом указал на выход, где уже переминался в ожидании провожатый. Ни слова прощания. Так и надо. Элья не намеревалась оставлять казармы надолго.

Провожатый, кривокрылый служащий-икке, словно чувствовал её внутреннее напряжение, а потому не поднимал взгляд от земли и кланялся каждые двадцать шагов. Впрочем, Элью сейчас занимала вовсе не эта слабая особь, а новое место службы. Внутренний надзор территории *приемки*. Нечего сказать, непыльная работенка выпала – край неба сторожить. Смотри себе за складами да разнимай драки, что регулярно случаются на выходах из порталов. Прикидывайся, мол, бывалому фейхту это вовсе не зазорно. Тьфу, мерзость!

По мере спуска ветшали дома, становясь ниже и гаже с виду. Каменные лестницы уступали место деревянным, а после и веревочным. Все реже попадались арки мостов, а воздух тяжелел. Элья даже остановилась, переводя дыхание. Да что это такое? Чтобы у нормального фейхта после небольшой прогулки одышка появилась? Невозможно! Икке вон, пасть раззявив, хлебает воздух, дергает недоразвитыми обрубками, несимметрично торчащими из-за плеч. Но это же икке. А Элья – фейхт, другое дело.

Развернув крылья, она ускорила шаг, отмечая, как привычно, но неприятно ноет спина. Икке дернулся было следом, пробежал пару метров и остановился, опираясь обеими руками о стену кордегардии. Он сипло дышал и громко кашлял, сплевывая темным. Больной, что ли? Ну, довел и ладно. От икке нельзя требовать многого.

Перед дверью Элья замерла, успокаивая сердцебиение и сухое дыхание. Поколебавшись секунду, все же перегнала толику энергии из крыльев в тело. Сразу стало легче. И уверенность появилась. Вовремя, потому как из-за двери донеслось:

– Заходи уже.

Интересно, ее услышали или почувствовали? Хотя, скорее всего, засекли громкого икке. А внутри минимум двое, но один спит. Или прячется.

Расправив крылья так, чтобы можно было разглядеть их силуэт и рисунок, Элья вошла и остановилась в трех локтях от офицера. Как гласит устав: на расстоянии половины длины боевого кнута. Мысль про браан царапнула свежую рану – до разбирательства он конфискован, а фейхт без браана – половина воина.

Офицер, огромный склан с лицом цвета стальной стружки, вытер руки и бросил полотенце на край медного таза. Пялиться на начальство не полагалось, а потому Элья уставилась прямо перед собой и попыталась почувствовать второго. Тот самый, показавшийся спящим, вполне себе живо двигался и держался на самом краю видимости. Нарочно?

Бесит.

– Элья ван Хаард...

Офицер махнул рукой.

– Можешь не надрывать, – произнес он и указал на угол стола, где лежала аккуратная стопка бумаг. – Наслышан. Вам всем там, *внизу*, голову отшибает?

Знакомая манера. И отвечать, разумеется, не положено.

– Я чрезвычайно рад, что внутренний надзор теперь воспринимают как гауптвахту. А ты рад, Джуум?

За спиной молчали.

– Вот скажи, на кой ляд мне сдался фейхт без кнута? Не знаешь? И я не знаю. Зато Канцелярия все знает. А что ты будешь делать, если при переброске кто-то из твоих же зачудит? Кто-то при броне и с брааном? Что она будет делать, Джуум?

– Охранять правопорядок любым возможным способом, – сказал Джуум и встал так, чтобы Элья, наконец, могла его видеть.

Зрелище ей не понравилось: по форме крыла явный фейхт, но весь какой-то перекоренный. Лопасть разодрана шрамами, а мембрана полностью выгорела, и теперь крыло напоминало лист, в котором жучки выели мягкую плоть, оставив нетронутыми сухие жилки. И ведь раны-то давние, а следов восстановления нет.

А Джуум тем временем продолжил:

– Разумеется, с порядком несения здешней службы ты не знакома?

– Не знакома, – отозвалась Элья, отводя взгляд от искалеченных крыльев. Смогла бы она так доживать, не известно на что надеясь?

– Тогда вещи – вот в тот шкаф. Ах, да...

Джуум даже не стал ломать печати на свертке с оружием, просто взрезал шнуры кинжалом.

– Пяль железо и шагом марш за мной на инструктаж.

Привычная тяжесть успокоила, но лишь немного.

Весело стало сразу после полудня. Первый день и первый труп в каком-то дальнем ангаре. Великолепное начало службы. Вот тебе и временное понижение – возись теперь с мертвяками...

Дорогу среди однотипных коробок зоны приемки предстояло отыскать самостоятельно. Пусть Джуум и объяснил вкратце, как выйти на нужный номер, но от провожатого Элья не отказалась бы. Только давешний икке куда-то исчез. В этом вся их сущность, одно слово – бесполезные.

А запутаться было легко – одинаковые строения, безглазые и многодверные, меченные по собственной, не до конца ясной системе. Изначально низкие, они еще больше проседали под саванами серых кровель. В распахнутых воротах виднелись горы бесполезного ныне барахла. Вот желтые тюки шелкопрядильных фабрик. Вот валики перезревшего мха, частью развороченные крысами. Вот плоские ящики, из щелей которых торчит свалывшаяся солома, а если подойти ближе, потянет химическим запахом.

Ангар, подпертый пухлыми башенками, нашелся за хранилищем стекла. Судя по знаку над воротами – нужное место.

В нос шибануло формалиновой вонью, крепкой, аж глаза заслезились. Изнутри местечко выглядело и вовсе странно: ящички-ящички-ящички во всю стену. Открытые – со связками свитков, закрытые – с сургучовыми нащепками поверх скважин. Трезубец светильника, неоправданно яркого для этого сарая, торчал в углу, отлично освещая стеклянное покрытие стола. И скукоженный труп с вывернутым крылом.

Мертвый икке лежал, притянув ноги к груди и сдавив руками голову. Ногти разодрали кожу, выпуская кровь, но она, вместо того, чтобы выгореть, застыла студенистыми бляшками. Не без труда Элья узнала в мертвце утреннего провожатого.

Над ним склонился доктор-дъен в мятом фартуке и грязноватой фракке. Рукава закатаны по локти. Еще более грязный плащ небрежно наброшен на плечи, распластался поверх крыльев, мешая различить рисунок. Специально?

Придерживая голову мертвца за подбородок, доктор пытался снять кровавой сгусток, но что-то не ладилось. С появлением Эльки занятие свое он не бросил, только рукой махнул, приглашая подойти поближе, и буркнул в полголоса:

– Новенькая?

– Сегодня прислали. Вместе с ним.

Доктор кивнул.

– Бывают совпадения. А у нас тут старая песня. Прошу тебя, как представителя внутреннего надзора осмотреть тело и засвидетельствовать отсутствие внешних повреждений. Ну, кроме, тех, что от его собственных ногтей. Ты ведь знаешь, что такое смертельные раны?

Элья хмыкнула.

– С этой стороны все нормально, – сказала она. – Его бы перевернуть.

Кожа, неестественно побелевшая, казалась сухой и ломкой даже на вид. Потому Элья не удивилась, когда от прикосновения доктора она треснула и сползла, обнажая седоватую мышцу. Но отвернуться захотела.

Всевидящий, дай терпения на эту яму! Хотя бы до конца недели. Ну, или на две, дольше ее держать не станут. В конце концов, это же просто формальность.

– Здесь тоже с виду ничего, кроме дырок от ваших пальцев, доктор.

– Вот и славно. Теперь – моя очередь.

Доктор, вооружившись парой игл с закорючками на концах, приподнял веки и, заглянув в глаза, Провел крючком по главному яблоку. Бросил комок в пробирку с мутноватой жидкостью. Потом снял-таки подсохшую кровь и отправил во вторую пробирку.

– Что, не приходилось видеть такого?

Такого – нет. Хотя этот труп даже лучше многих иных... Растоптанных копытами человеческой конницы. Проколотых копьями и расшитых стрелами. Изрубленных, истерзанных, сожженных. Убитых ударом в спину...

Просто непривычно видеть, чтобы умирали без ран. Наверное, прав офицер – голову отшибает у всех, вернувшихся *снизу*.

Доктор попытался растянуть крыло, но сведенные судорогой жилы затрещали, а мембрана посыпалась серым пеплом. Проклятье! Одна надежда, что это не заразно, иначе разумный доктор – а дъены славятся своей разумностью, ведь так? – не стал бы ковыряться в мертвом теле голыми руками.

– Как по мне, причина смерти – острая дистрофия, вызванная длительным эмановым голоданием, – сказал он, переворачивая труп на другой бок. Теперь крылья обломались, а Элья получила возможность рассмотреть спину. Дуга позвоночника, полукружья ребер, кое-где проравших кожу, черные пятна между лопатками.

– А это? – К пятнам она прикоснулась не решилась.

- Это? Трофические язвы. Типичный признак третьей стадии голодания.
- Значит, его не убили? – попытожила Эля, отыскивая взглядом место, где можно вымыть руки.
- Ну, как сказать. Формально, нет, но...
- Всевидящий, дай терпения!
- Его смерть не является насильственной ни с моей, ни с вашей точки зрения. Так?
- Так, – покорно согласился доктор, вгоняя широкое лезвие между обломкам крыльев мертвеца.
- Вот и хорошо. Благодарю.
- У самой двери дьен окликнул Элю:
- Послушай! Я понимаю, ты только прибыла, новые заботы и все такое, но... Тебе и вправду все равно, что с ним произошло?
- Абсолютно, – совершенно честно ответила Эля.
- Главное, что ей не придется отвечать еще и за эту смерть.

Ступеньки уходили в бездну, прикрытую пологом сизых туч. Время от времени ветер поднимал волны влажного тумана и гнал их на штурм лестницы. Но всякий раз грозное войско разбивалось о мраморные статуи. Первыми встречали натиск каменные уродцы-икке. Их кривые крылья, перекрещиваясь, заслоняли бездну. Искаженные лица казались отражением друг друга, а нелепо вывернутые руки смыкались аркой, над которой зелено-желтой крышей нависала золотарница. Тяжелые стебли тянулись выше, находя опору на плечах мастеровых-винст, чей облик менялся с каждой ступенькой. На середине лестницы рожденных-для-малой-пользы сменяли дьен, рожденные-служить, а после и рожденные-воевать, острокрылые фейхты. На их поясах золотарница повисала тремя витками – неотличима от настоящего кнута-браана.

– А где же гебораан и хаанги? – поинтересовался Фраахи, упирая клюку в опустевший постамент. Еще несколько белыми кубками возвышались по другую сторону ступеней.

Старый клан поплотнее запахнул фракку и поправил брошь в виде жука, растопыренные лапы которого удерживали тяжелый плащ.

– На реставрации. – Скэр, поддавшись порыву, запрыгнул на пустующую платформу, отбросил собственную накидку и расправил тяжелые крылья. – Будет как-то так.

Фраахи коротко кивнул и заковылял в противоположную часть сада, к столу и парочке кресел. А ветер, прокатившись по лестнице, толкнул в крыло, наполняя лимфу эманом. Спина полыхнула быстрым жаром, заколотилось сердце, перегоняя горячую кровь в пальцы. И против воли подушечки указательного и большого сомкнулись, чтобы тут же разойтись, вытягивая первую нить зародыша.

Не время и не место. Фраахи ждет. И Скэр не без сожаления спрыгнул с постамента. Пальцы двигались сами, укладывая слой за слоем. Жемчужина линга росла. Белая. Пусть будет белая. Хороший цвет.

– Итак, ты своего добился. – Фраахи долго устраивался в кресле, кряхтел, ерзал, меняя форму крыльев, пока те не повисли грязными тряпочками. – Каваард мертв.

– И я искренне сожалею об этой потере.

Фраахи фыркнул и, вытянув клюку – она уперлась в сапог Скэра – заметил:

– Надеюсь, ты хорошо понимал, что делаешь?

– Я к этой дуэли отношения не имею.

– Послушай, я ненавижу сырость, но еще больше – пустые разговоры, которыми ты меня потчешь. Оставь их. Я пришел сюда, а не на Совет, хотя мог бы и иначе. Каваард мне все-таки родственник.

Угроза? Предложение перемирия? Пусть говорит, трухлявый пенек.

Жемчужина выходила темно-лиловой. В последнее время частый цвет. Хорошо хоть окраска на свойства не влияет, иначе пришлось бы выдумывать объяснение.

– Сложно иметь в родичах хаанги. – Старик вздохнул. – Они считают себя даже не выше остальных, а в стороне от них... И если бы это было так. Но он был в самом центре. Упрямец. А потому пусть покоятся с миром и он, и его безумные идеи. Да, гебораан Скэр, я пришел сказать, что считаю эту смерть... полезной для всех нас. Мой голос в Совете – твой. А там где мой голос, там целый хор.

Выверенные слова и скупые жесты. Жесткий тон и совсем нестарческий голос. Привычка читать речи сказывается? И ведь ни грана лжи в его словах, ни толики самолюбования – только констатация.

– Но ты не закончил дело, Скэр. Младший брат Каваарда ярится. Он не интересовался делами родственника-хаанги и, признаться, сам его не любил, но тут уже дело в престиже ветви. Бракаар молод и глуповат, а потому может наделать шума. А некий симпатичный фейхт спокойно разгуливает где-то в зоне *приемки*.

Раздражало то, что при всей прозрачности проблемы, от нее нельзя просто отмахнуться. Нужно грамотное решение. Интересно, насколько одинаково видят его молодой и старый геборааны?

Последние слои ложатся туго, норовя сбиться и нарушить идеальность формы. И пусть форма, как и цвет, не влияет на свойства, но Скэру нравится, когда его линг идеален.

– Наш бескрылый друг готов поделиться тем, что предлагал Каваарду, – произнес Фраахи с довольным видом. – Разумеется, он настаивает на своем странном условии.

Говорит, намекая на решение, столь же очевидное, как и проблема. Проверяет? Пожалуй. Но задачу в этом виде Скэр решил давно. Значит ли это, что их с Фраахи взгляды близки?

– А для чего нам вообще иметь дело с бескрылым? – Скэр наморщил лоб. Пусть старик думает, что открывает ему нечто новое. – Проще всего окончательно обрубить эту нить, не останавливаясь на полдороге.

– Это нужно потому, что я предпочитаю уничтожить источники сведений, только ознакомившись с их содержанием. К тому же условие нашего друга уж очень на руку. И не лги мне, что не думал об этом.

Старый крысец прячет под плащом сильные крылья. Слишком рано списывать Фраахи в утиль.

– Я рад, что мы мыслим в одном направлении, – сухо произнес Скэр, сращивая нити. – Более того, я думал даже над тем, как дать нашему другу то, что он хочет, но не так, как он хочет. И, кажется, придумал. Но для этого мне понадобится небольшая поддержка.

– С радостью окажу любую поддержку благому начинанию. И к слову о начинаниях: войну пора заканчивать. Момент удобный. Нам повезло, что после Вед-Хаальд и люди хотят мира. А мы... – Фраахи прижал рукой шапочку, которую ветер едва не сорвал с облысевшей головы. – Мы не потянем дальше. И ты достаточно умен, чтобы остановиться на краю...

Сомнительный комплемент.

– ...и понять, что теперь жара хватит даже при тусклом солнце.

– Если бы мне нужен был твой совет...

– ...ты бы его получил. – Фраахи жмурился, подставляя лицо ветру. – Я думаю, тебе следует принять предложение того человека.

Нити срослись в одно целое, но верхний слой еще оставался мягким.

– Которого?

– Обоих.

– Кинуть кость каждому? – переспросил Скэр, поддерживая иллюзию разговора. Фраахи засмеялся:

– Главное, кости не перепутать.

Темно-лиловый шар на протянутой ладони. Бессмысленный символ, но Фраахи пришелся по вкусу. Взяв жемчужину двумя пальцами, сдавил в ладони, прислушался и, наконец, сказал:

– Хорошая работа. У тебя с самого начала был высокий потенциал. Не менее высокий, чем у хаанги.

– Благодарю.

Фраахи кивнул и, убрав клюку от сапога, посоветовал:

– А с делом не торопись. Пусть все будет выверено и законно.

К концу второй недели в этом месте Элью раздражало буквально все. Казармы, вытянувшиеся полукругом, который и служил границей территории; россыпь складов разной степени заброшенности; обилие икке, которыми кишела эта клоака.

Служба была скучной и бессмысленной. Нудные патрули по местным закоулкам и редким развлечением – драки. Но стоило подойти, и они прекращались сами собой.

Но когда сквозь синюю завесу портала прорывались отряды фейхтов, территория оживала. Становилось ли от этого лучше Элье? Скорее, наоборот. Отсеченные руки, затянутые свежими шрамами лица, выгоревшие крылья... Там внизу мало эмана, а внутреннего запаса на все не хватает. Элья это отлично знала по собственному опыту. А потому ее не удивляли вереницы раненных, а тем более – убитых. Их тоже поднимали наверх. Не всех, только тех, кого можно было забрать.

Иногда в каменном мешке появлялись пленные люди и тогда к порталу подтягивались алые фракки особого надзора. Эти бесцеремонно распахивали и замешкавшихся грузчиков-икке и обычных патрульных фейхтов вроде Эльи. Сучьи дети при этом скалились и перебрасывались шуточками, от которых ныло в груди, а руки сами тянулись к поясу.

Вернется. Все когда-нибудь вернется на круги своя. Главное, не терять веры. Элья не заразится местной безысходностью, она в этой яме временно. И совсем уже скоро за ней придут.

Но пока шли исключительно мимо. Всего внимания от хромающего фейхта – взмах руки, отойди, мол.

Чужая. И для местных тоже. Хотя на них плевать, специально ни с кем не знакомилась толком. Но свои-то, свои, боевые...

– Эй. – Воин во фракке, пробитой с дюжину раз, скользнул взглядом по её напряженному крылу. – Теплое местечко нашла, сестричка.

Поддержали свистом, от которого сделалось совсем мутно. И спину заломило, вот-вот вспыхнут крылья, но... со своими драться? Зачем, когда чужих хватает? Когда есть люди... Когда ярк в памяти поворот, удар и треск кости под лопастью крыла. Визг коня и удивленные глаза всадника, еще не понимающего, что ему конец. Хмельная радость и браан змеей летит, прожигая гортань. И снова крылом, выворачиваясь, ныряя под ноги следующему, распрямляясь и вспарывая брюхо – пусть исходит паром сизая трубуха на снегу. Вскрывая глотку – пусть летит алый бисер. Эманом по броне, крылом по плоти, сталью по стали. Добивая. Уже потом, на отступлении, когда схлынет волна из мяса и железа, оставив на берегу слабо копошащиеся обрубки тел. Тогда привычно заноеет спина, и остатки мембраны слезут с крыла, как лохмотья сгоревшей кожи. Тогда захочется пить и убраться подальше. Но надо будет вогнать клинок между пластинами тегилля, так, чтобы хрустнуло, а яблоко рукояти оставило след на ладони. Белый отпечаток будет долго держаться клеймом. И только когда крылья зарастут – мембрана поначалу будет сухой и тонкой, как старый пергамент – кожа вернет нормальный графитовый цвет. Но трубы заглушат голос ветра, требуя собраться. А чуть позже вздрогнет земля, предупреждая: снова идут люди.

И почему кажется, что это воспоминание – одно на всех, кто выходит сейчас из портала? Но до суда Элья запрещено делить его с честными фейхтами.

Склана увидела издали Джуума и скользнула за угол. Меньше всего ей сейчас хотелось попадаться на глаза офицеру внутреннего надзора. Уж лучше сделать еще один дальний обход.

Со спины они походили на камни. Ряд сероватых булыжников, за какой-то надобностью взгроможденных на парапет белого мрамора. Вот только у настоящих булыжников не растут крылья, даже такие уродливые. Узкие лопасти со сросшимися жилками и пустыми ячейками, многие из которых никогда не затягиваются. Мутная, как плохое стекло, мембрана. Пульсирующая в такт сердцу опухоль между лопатками.

Элья сама не понимала, зачем она смотрит на это уродство. И почему икке-нут, обычно пугливые, не спешат разбежаться. Сидят, жмутся друг к дружке локтями, глядя через плечи, но не уходят.

– Мы не нарушаем, уважаемая, – наконец, соизволил сказать один, неловко переворачиваясь боком. Стала видна грудь с торчащими ребрами, и острый локоть, с которого сползали, переплетаясь, узкие ленты мышц. И гроздь черных пятен чуть ниже затылка. Совсем как у того, который умер в первый день Эльиной службы. Желание прогнать – просто, чтобы избавиться себя от омерзительного зрелища – пропало, сменяясь любопытством.

– Что вы здесь делаете?

– Душно, уважаемая. – Икке спрыгнул, и соседи-булыжники тотчас сдвинулись, зарацивая свободное пространство. – Вы разве не чувствуете, как тут душно?

А он почти нормальный, если спереди смотреть. Самую малость, видать, не хватило, чтобы в «полезные» попасть.

– Душновато, – согласилась Элья. – Это потому, что здесь низко.

Зачем она вообще разговаривает с ними? Не нарушают, и хорошо. Пусть себе сидят, греют корявые спинки под закатным солнышком, щебечут о своем, бесполезном. Или пусть расходятся и щебечут в другом месте. Она еще не решила.

Икке, застывший в позе одновременно и почтительной, и лишенной намека на лесть, осмелился возразить:

– Это потому, что эмана мало.

Те, которые на парапете, закивали.

Мало? Разумеется, с ним сейчас туго, особенно здесь, но война вообще сбивала привычные потоки. Глупые икке часто не понимают очевидного. Или дело в том, что она фейхт и умеет приспособливаться, обходиться внутренним запасом? Или в том, что они икке и им тяжело тянуть извне? Хотя какая, к демонам, разница?

Она уже собиралась уйти, когда икке вновь нарушил правила:

– Ходит слух, что из человеческой крови можно выварить эман.

Десятки глаз уставились на Элью, ожидая... чего? Подтверждения? Вправду говорят: какие крылья, такие и мозги. И Элья, глядя в тусклые желтые глаза, ответила очередной поговоркой:

– Если бы скланы летали – жизнь была бы иной. А ты, если веришь в чушь про человеческую кровь – попросись вниз. Там её хватает. Всякой.

И только у самых казарм в голову пришла мысль: годись человеческая кровь для подобных целей – на Островах уже давно работали бы соответствующие фабрики. Да и в самих людях появился бы хоть какой-то смысл.

А все-таки территории приемки действительно душновато. Наверное, из-за портала.

Больше всего засадой вонял угол двухэтажного дома со знаком мастерской. Но до него оставался добрый десяток метров, а потому Элья скользнула в сторону. И чуть не напоролась

на кинжал. Заработала руками, отводя удары, сыплющиеся один за другим. Крылья мгновенно потеплели, но расправить их мешала узость перехода. Впрочем, с этой бедой помог сам нападающий, пинком вытолкнув Элью обратно на улицу.

Склана, разогревшаяся уже вполне достаточно, отскочила еще на несколько шагов. За спиной – никого. Из-за того самого угла выходят двое, явно воины. Еще несколько тел копошится у стены следующего здания: угловатые пятна в серой мути припортального воздуха. Это икке, не страшнее стаи крысцов-падальщиков. И в драку вступать не станут.

– Ну? – Бракаар вышел из перехода, чуть подпрыгивая.

Он был похож на брата. Высокий. Сухопарый. Притворно-неуклюжий. Шкура отликает благородной синевой, свидетельствующей о чистоте крови, а лопасть крыла характерно-дымчатая, расчерченная узором родового рисунка, почти совершенного. Но в этом «почти» – главное отличие от брата. Ну и в том, что Бракаар пока жив и сжимает в руке боевой браан. А вот у Эльи лишь кинжал и стальной стек, правда, с тяжелым наконечником.

– Дуэль? – Кинжал – в левую, стек – в правую. Джуум говорил, что эта железяка неплохо канализирует внутренний эман. Вот и случай проверить.

– Дуэль? А разве кто-то говорит о ней? Таких, как ты режут в подворотнях.

Бракаар расправил крылья даже больше, чем следует для боя. Бахвалится. Кнутом бы сейчас перетянуть да по самому краешку, пробивая защиту и рассекая опорные жилы. Так, чтобы неделю потом заращивал. Вот была бы наука... И ему, и этим двоим, которые отрезали пути отступления. Если втроем пойдут, придется худо. Но кажется, это просто наблюдатели.

Правильно, незачем решать чужие проблемы.

– Ну? – Горячая волна эмана прошла по крови. Крылья обмякли, легли плащом. Вот так будет хорошо, теперь брааном по ним не достать.

Бракаар начал первым. Щелкнул кнутом, расцветившая серые стены ярко-голубой вспышкой. Впустую: такие штуки надо применять умеючи и в подходящий момент, а не просто спускать эман в воздух.

Короткими шагами Элья выхаживала вокруг него, экономя силы и выбирая дистанцию. Крылья Бракаара пылали невидимым огнем, тем самым, что взрывался искрами на кончике его кнута. Браан поблескивал холодным светом, но склана знала, как обжигающе он может пройти по телу.

Хлопок у самого носа. Нежное касание волос. Вспышка. Чуть правее и ослепила бы. Немного левее и достал бы. Медленнее... Быстрее... Движение – жизнь. Но Бракаар не чувствует его. Не понимает, где гнев фейхта Эльи, где лишь его след и как он изменит направление в следующий миг. А непонимание – смерть.

Элья нарочито дернула левым плечом, ушла на полстопы в противоположную сторону и метнула стек. Незаряженный прут пришелся точно под дых. Бракаар замер ровно настолько, чтобы Элья ухватила его за рукав фракки и развернула. *Горячие* крылья противника оказались перед лицом, но склана лишь легонько стукнула ладонью между ними. А вот пинок отвесила со всей силой, так, что Бракаар пролетел кубарем несколько метров.

Вот и вся дуэль.

Он подскочил, шипя, матерясь и пытаясь восстановить дыхание. Крылья судорожно вздрагивали, истекали битумом пережатой мембраны, но, кажется, Бракаар так ничего и не понял.

– Хочешь следом за братцем? – Элья подняла стек, не выпуская из поля зрения всех троих. – Теперь, я знаю, каков твой узел на ощупь. Шагай отсюда, недобиток.

Где-то в дали уже мелькали фракки внутреннего надзора.

Бракаар было снова двинулся на Элью, но один из фейхтов перехватил его и что-то зашептал. Не произнеся более ни слова, троица скрылась в переходе. Довольно резво, но Элья была даже рада этому, ибо не пришлось объясняться с новыми сослуживцами.

Схватка подняла настроение, почти примилив с территорией приемки. Нет, Элья все-таки в хорошей форме. Бракаар не такой уж и паршивый фейхт, просто она – лучше. И не только его. А вообще все отлично закончилось. Еще одного убиенного ей бы точно не простили, и плевать, что самооборона.

Проходя мимо парапета, на котором жались друг к другу серые комки-икке, Элья кивнула им, как старым знакомым.

Вечерний воздух был по-осеннему прохладен. Небо – драная сеть перьевых облаков, поймавшая куски чего-то серого. Черные шпиди Ун-Кааш, словно зубы невиданного зверя, на которых повисло гаснущее солнце. Запах копченой рыбы и шелест шагов за спиной. Снова крадутся? Нет. Не чужаки – местные, почти растворившиеся в этой клоаке и оттого незаметные. Но не для фейхта. Завернув в узкую улочку между двумя складами, Элья обернулась. Так и есть – кривокрылый. Кажется, это был тот самый, который недавно разговаривал с ней. Чего ему опять надо?

– Извините. – Икке поспешно согнулся в поклоне, отступая на дозволенное расстояние. – Я подумал, что вам пригодится.

Он протянул плетенку с тускло светящимся шаром-фонарем. И к чему такая любезность?

– И еще спросить. – Замялся, не решаясь ни уйти, ни задать-таки вопрос, из-за которого он ташился следом. Разрешения ждет? Что ж, пусть считает, что ему повезло: настроение у Эльи вполне подходящее.

– По дороге спросишь.

Он шел, с легкостью выдерживая положенные три шага, и шар нес гордо, точно зная. А вот спрашивать не торопился. Только когда впереди показалось знакомая туша казармы, заговорил:

– Ходит слух, что когда война закончится, нас всех сошлют вниз.

– Вас?

– Икке. Низших из винст. И остальных, кто...

– ...нарушил закон, – подсказала Элья. Надо же, какой вежливый. Или умный, несмотря на то, что крылом не вышел. Ведь бывают же исключения?

– Да. И я хотел спросить, насколько это правда?

Он остановился. Ноги полусогнуты, локти прижаты к телу, голова опущена. Но тон его не соответствует позе. В нем чувствуется вызов.

– А почему ты думаешь, что я знаю?

Ну же, произнеси вслух то, что варится в твоей тупой голове, вывали ошметки слухов и сплетен, которые, вы с удовольствием перемалываете, сидя на парапете.

– Я не думаю. Мне показалось, что вы можете знать.

И снова невидимое напряжение. Он безумен? Или болен, как тот, умерший от эманового голода? Может, сначала из-за него мозги сохнут, а уже потом тело?

– Пожалуйста. Я просто хочу понять, чего еще мне ждать от этой жизни.

Элья выдохнула сквозь стиснутые зубы.

– И чем тебе ссылка не по вкусу? Тебе же здесь не нравится.

– Но... внизу люди.

Ну да. Наирцы. Дикари при железе. С любовью к лошадям и войнам.

– Вот и будет возможность проверить, чего там у них с кровью. Не бойся, их не так и сложно убивать.

Икке отшатнулся, как будто получил пощечину.

– Вы не поняли. Я не фейхт...

Верно подмечено.

– ...и хочу не убивать. Я хочу жить.

А утром Элью поднял дежурный, молча указав на выход. Пришли? Наконец-то! Еще немного, и она свихнулась бы в этой яме, где дьен грязны как икке-нут, а икке наглы, как полноценные фейхты. При выходе из казармы мрачноватый тип с расшрамленными крылами, протянул свиток и указал на дверь. Точь-в-точь, как до того дежурный. Они все здесь похожи друг на друга. Безликое отребье.

Снаружи ждали двое. Дружище Раард при полном параде? И броню поверх фракки нацепил для пущей важности. Ну да, сталь красиво на фиолетовом смотрится, другое дело, что здесь любоваться на него некому. И хоть бы улыбнулся, кивнул, что ли, зануда старый.

Второй воин Элье был незнаком. Молод, видно, только-только из училища. Кожа очень темная, в черноту – типично для срединных островов; волосы светлые, белые почти – это уже к родному Ун-Каашу ближе. Крылья говорили о том же: узкая лопасть с мембраной медового цвета к низу заострялась. Костальная жилка отливала чернотой, а кубитальные срослись. Медиана слабая. Кто-то из Бхаар? Или Гааши?

– Идем? – Элья сунула свиток за пояс.

И Раард хмуро кивнул, предупредив:

– Только не дури.

Дурить? О чем это? И где браан? Или сначала формальное покаяние перед членами суда, каждый из которых мечтал о том, на что Элья решилась? Мечты мечтами, но делать все буду строго по правилам. Речи. Нотации. Раскаяние, которое не будет выглядеть искренним, но они примут – не могут не принять. Прощение.

Браан на пояс и фиолетовый цвет фракки вместо унылого серого. И марево портала, которое раскроется перед Эльей. Снова будет аромат прелой хвои, сырой земли и крови. Запах войны, её железно-влажный шум... Не прав был икке: чтобы жить, нужно убивать.

Но в Ун-Кааш о смерти не думалось. Город расходился от территории *приемки* спиралью, что преображалась с каждым витком. Вот невзрачные коробки сменились гранитными глыбинами, в которых каплями слюды поблескивали окна. Мелькнули и исчезли четырехугольные башенки фейхт-училища – скоро желтый двор заполнится новым набором, который обживет старые стены. А вдаль уже показалась тяжелая громада Канцелярии.

– Не туда, – остановил Раард, когда Элья хотела свернуть на боковую улочку.

– Но так быстрее.

Младший – все-таки Бхаар или Гааши? – демонстративно положил руку на кнут, а Раард повторил прежде:

– Не туда.

Спокойно. Он всего лишь исполняет долг. И перед новичком рисует. А уже вечером все вместе – Элья и белоголового пригласит – сядут и посмеются над утренним официозом.

Канцелярия – мраморная многоножка, опирающаяся на сотню приземистых колонн – широко раскинула лестницы-жвалы. Прошли мимо. И только тогда Элья сообразила, куда ее ведут: корона из башен на холме привычно царапала солнце зубцами, шпили терялись в облаках, а стеклянный флюгер-стрекоза почти растворился в небесной сини.

Вошли не с центрального хода. И Раард, выступив вперед – а новичок-то не снимает руки с браана – повел по лабиринту коридоров. В этой части дворца Элье бывать не доводилось. Коридор. Перемычка подвесного моста и ветер, толкнувший под руку. В попытке удержать равновесие распахнулись крылья, и тут же упреждающе щелкнул кнут.

– Ты чего? Раард, скажи ему, чтобы успокоился.

Новичок смотрел поверх Эльиного плеча. Медлил. Вот кнут скользнул к ноге, поднялся, обвив ладонь, и повис на поясе.

– Иди, – хмуро повторил Раард.

Да что с ними такое? По мостику почти бежали. И шлепанье сапог сзади заставляло торопиться. А если этот, сзади, ударит? С перепугу и дури, которой его башка забита. Или на то и расчет? Вдруг это кто-то из Бракааровых дружков и ему лишь повод нужен? Нет, Раард такого бы не взял. Или заставили? Поэтому и мрачен, и спешит. А эта молодая сволочь даже не думает выдержать положенную традициями дистанцию, так и сопит в спину.

Мост вывел к одной из крайних башен. За широкой дверью обнаружилась лестница, уходящая вниз. Стены коридора слабо мерцали живым светом, было холодно и пахло формалином. Впереди звонко цокали каблуки Раарда. По мере спуска запах становился все отчетливее, а ненависть к новичку росла, грозя прорваться ударом или хотя бы пинком.

Да куда же ее ведут?

Широкий пролет и еще одна дверь. Предчувствие опасности накрыло с головой, заставив отступить к центру площадки, так, чтобы эти двое – друзья? враги? – оказались в поле зрения.

– Ну?

– Там все сказано, – Раард ткнул пальцем в свиток, торчащий за поясом Эльи и, смягчившись, попросил. – Не дури. Я не хочу... применять это.

Браан? К ней применять? Да она же своя, пусть временно и вынуждена носить серое. Нет, не в цвете дело. А в чем тогда? Что написано в треклятом свитке, куда Элья не потрудилась заглянуть? И почему молодой смотрит на нее так по-кретински?

Глаза у него светлые, радужка почти неотличима от белка, значит, все-таки Бхаар.

– Давай ты лучше сама, – сказал Раард, указывая на дверь.

– Только скажи этому птенцу, чтобы не лез под крыло.

Это помещение ничем, кроме запаха, не напоминало прозекторскую территории приемки. Выложенный белыми плитами пол, вместо шкафов открытые стеллажи с колбами, ретортами и сложной конструкции перегонным кубом, внутри которого булькало что-то темное и густое. Основное пространство занимали два длинных и широких стола. Над ними, раскинув соцветья линз, возвышался странный агрегат.

Только тела на столе не хватало. Чтобы боком и с ногами, подтянутыми к груди. С разорванной на висках кожей и крошащимися крыльями.

У окна стоял доктор Ваабе в накрахмаленном до ломкости фартуке, который резко контрастировал с почти лиловой, редкого оттенка кожей. В стекле отражались полураскрытые крылья и кресло, на котором придремал Фраахи. Вроде и спит, но рукой крепко вцепился во фракку Бракаара, точно удерживал его от глупостей. Брат Каваарда изображал равнодушие, но ненависть во взгляде было не так-то просто спрятать.

Скэр держался особняком, в сторону вошедших не глянул. Ну да, конечно, гебораан не может позволить открыто проявить слабость. Или не хочет? Рядом с ним, со свитком в руках, замер первый секретарь канцелярии Маах.

Он же и нарушил молчание:

– Мое уважение.

– И вам.

Элья даже сумела изобразить поклон. Ответа не последовало.

– Вы успели ознакомиться с бумагой?

– Нет.

Маах кивнул, словно не ожидал иного, а в белоснежно-чистом пространстве лаборатории на несколько мгновений повисла тишина, нарушаемая лишь бульканьем жидкости в кубе.

Вытянув примятый свиток из-за пояса, Элья попыталась развернуть. Но ставшие вдруг непослушными пальцы долго не могли справиться с печатью. А потом, когда все же удалось разломить сухую бляшку сургуча, оказалось, что читать Элья все равно не может – символы плыли и путались, искажая смысл написанного совсем уж до нелепицы.

– Итак, комиссия в составе... – забубнил секретарь, видя всю тщетность ее попыток. – ...Рассмотрев дело гебран-фейхт Эльи Ван-Хаард и приняв во внимание отягчающие обстоятельства, а также вред, нанесенный народу клан гибелью хаанги Каваарда Урт-Хаас единогласно вынес приговор о прекращении физического существования вышеупомянутой Эльи Ван-Хаард.

Смерть? Ее приговорили к смерти? Вот так просто взяли и... За что?!

– Однако, руководствуясь установкой оптимизационных норм и приняв во внимание положение подсудимой...

Элья едва сумела сдержать вздох облегчения. Всё-таки перераспределение. И серое кольцо территории *приемки* показалось вполне симпатичным местом.

– ...приговору подлежит быть смягченным до второстатейного с особой поправкой.

Второстатейный с особой поправкой? Это как?

– Изгнание, – с удовольствием пояснил Фраахи, поднимаясь. – С отречением рода. И купание. Полнейшее, так сказать, удаление. Вымолодки... Нет в вас ни ума, ни выдержки, одно хотенье. Пойдем, Бракаар, здесь всё кончено.

– Но... – Уходить тому явно не хотелось, однако старик возражений не терпел и, шлепнув по плечу, повторил. – Пойдем. Меньше находишься рядом с грязью, меньше пачкаешься.

Стоило им выйти за дверь, как доктор Ваабе подал Элье кубок со светло-янтарным, густым с виду напитком.

– Пей, – приказал Скэр.

Пить? Чтобы им резать было удобнее?!

– Настоятельно рекомендую, – поддержал его секретарь. – Некоторые процедуры могут быть неприятны.

Они думают, что так просто заставят? Если браана нет, то... В плечо вонзилась игла и кто-то сильный прижал ее локти к бокам. Не новобранец – Раард, с которым... Игла это не больно. Больно, что ударили те, от кого не ждешь. И когда не ждешь.

Скэр по-прежнему не смотрел в ее сторону.

– Ко всему, следует помнить о последствиях вашего отказ от добровольного сотрудничества, – монотонно говорил Маах. – Положение рода Ван-Хаард в ветви и без того весьма неустойчивое.

Мир заскользил перед глазами разноцветным колесом. Не выходит ухватить. Это потому что Элья наяву, а колесо во сне, и если закрыть глаза, – ведь хочется очень, сами слипаются, – то и колесо мира навсегда останется с нею.

Нельзя. Нужно драться. Объяснить. Сказать. Скэр ведь обещал помочь и... Молчит.

Не засыпать. Не падать. Стоять.

Оттолкнуть чужие руки.

Раздевают. Она не спит! Она сумеет... ударить. Кого? Раарда? Кого-нибудь. Вот спина новобранца... Нужно бить. Бить нужно только в спину.

– Вы двое свободны.

Предатель! Слышишь, Раард? Ты предатель! Мог ведь предупредить! Намекнуть хотя бы. Не уходи. Вытащи. Пожалуйста. Ты же не понимаешь – крылья отрежут! Без крыльев нельзя. Без крыльев смерть. Голод эмановый и язвы. Как у икке. Икке умер и Элья тоже умрет.

Из человеческой крови эман не выварить.

Ушел? А ее укладывают. Возьмется. Почти все равно, но спать нельзя.

– Сама по себе ампутация весьма травматична. Она требует вмешательства в центральный узел, что в большинстве случаев приводит к летальному исходу. А нам бы этого не хотелось. К тому же, удаляя крылья, мы фактически уничтожаем фейхта. Разумеется, я имею ввиду в первую очередь внутренние изменения. По сути, мы лишаем ее части системы, напрямую управляющей рядом важнейших реакций и рефлексов. Думаю, изменения затронут даже мозг.

Руки мягко гладят крылья, ощупывая, скользя по жилкам и от этого прикосновения щекотно даже во сне, и Элья пытается проснуться. Сейчас, еще мгновение и она откроет глаза и скажет, что... что-нибудь скажет.

Нельзя отрезать крылья!

– Я же предлагаю провести линию разреза вот здесь, отделив крыловую пластинку от прочих элементов. Ни о каком процессе синтеза эмана мы тоже не сможем говорить, да и изменения во многом будут аналогичны описанным, но она фейхт и протянет дольше, чем...

...икке. Стол. Огоньки. Запах. Ей очень мешает запах. Или, наоборот, помогает не спать. Подъем. Немедленно. На раз-два-три...

– Боли она не почувствует. Что на мембране, что на жилках иннервация у фейхтов слабая. Посмотрите. – Что-то холодное коснулось поясницы, пробив кожу. И вправду не больно. И лежать удобно, а чужие руки, которые все никак не желали оставлять в покое ее крылья, больше не казались враждебными.

– Лимфа, свернувшись, закупорит сосуды. С большой долей вероятности. Поймите, гебраан Скэр, в девяноста девяти процентах случаев операции ориентированы как раз на сохранение. А здесь, так сказать, вариант противоположный. И поэтому я осмелюсь ходатайствовать о...

– Нет! – Какой жесткий у Скэра голос. Ну да, он же убил Каваарда. И она. Вместе. А отвечать только Элье. Это подлю!

– Несколько дней отсрочки. Сугубо научный интерес. И ко всему опасаясь, что посттравматический шок в отсутствие обезболивающих средств может быть достаточно силен, чтобы привести...

– Это не имеет значения. – Неужели Фраахи вернулся? Так тихо, что она даже... – Приступайте, доктор. А ты, Скэр, намного перспективнее, чем я думал. И тверже. Дайте им то, чего они хотят, но не так, как они этого хотят... Эскорт ждет и готов выдвинуться в любую минуту.

А больно и вправду не было. Неприятно чуть-чуть, особенно сначала, когда скальпель в первый раз вспорол тонкую мембрану крыла – все-таки когда крыло в бою горит, оно иначе. Но ничего, терпимо. Вот лезвия секатора, обхватив жилку, застыли на долю мгновения, и сомкнулись. Хрустнуло, словно кость сломалась. И снова прикосновение скальпеля... секатора... скальпеля... секатора.

Когда доктор Ваабе приступил ко второму крылу, Элья окончательно уснула.

Бельт

Могут ли две частицы дрожжей обидеть одна другую при взаимном пожирании? А две частицы одного мира? Не могут, потому что жизнь – одно сплошное взаимное пожирание.

Мудрость Волка.

*– Я больше не хочу резать, – сказал нож. И отправился в горы.
Кузнецы балобонки.*

Он сам влез в западню. Да еще и своих людей затащил. А ведь следовало догадаться раньше, когда только въезжали в деревню. Но шли-то на кураже, с победой. Куда там присматриваться к хмурым ромам вахтажников, эту дыру занявших? Чай, не серошкурые, одно дело делаем, даром, что флаги незнакомые. Ну на то и есть вечные жернова, чтобы смалывать разные зерна в одну муку, из которой – добавь кровушки, вымеси хорошенько! – и выйдет кривокопый каравай войны. Жри до отвала, не подавись.

Тогда большой удачей показалось своих встретить, особенно, после такой передраги. Шутка ли – неполной десяткой легких конников ударить по скланьему каравану? Да так ударить, что сволота эта по лесам рассеялась. А кабы под ногами не путались беженцы с погорельцами из местных, все вообще прошло бы без сучка, без задоринки. А так – всего полдюжины человек осталось, и среди них ни одного целехонького: кто очередной дыркой в тегиле разжился, кто ухо потерял, у кого руку-ногу скланьим кнутом приласкало. Хуже всех – сам Бельт: на полморды рваная рана, гноит уже и голова чуть не пополам разламывается. Оттого ведь и перли напрямик, к своим...

Ребят понять можно, думали, что кончится хозяин командирской плети-камчи со дня на день, но не бросали, хотя давно известно: удар кнутом – не лекарское дело. Тут и многоумные камы не всегда помогут, да и не станут они с обыкновенным камчаром возиться.

Когда нынешним утром отряд вышел на заброшенную деревню и увидел над частоколом гербовый шест, всем было уже плевать, в каких цветах да при сколько шнурах там конские хвосты мотыляются. Въехали радостно и, чего уж греха таить, вздохнули с облегчением. Видно, рано.

Бельт стоял посреди избы перед уважаемым Апсой-нойоном. В хорошо протопленной комнате дрожь только усилилась, и камчара, которому не позволили даже скинуть плащ, отчаянно качало. Если бы не старина Кёрст, придерживающий сзади, того и гляди, рухнул бы на земляной пол прямо под ноги Апсою да на посмешище еще троим рубакам.

Рассказывать о событиях последних дней получалось с трудом, язык еле ворочался и постоянно норовил стукнуть в натянутый барабан боли, которым стала вся левая щека. В такие мгновения гул отдавался сперва в голову, а потом возвращался и стекал по свежему рубцу со скулы на шею и вниз до самых кишок. Приходилось останавливаться и пережидать, а нойона это злило. Впрочем, тот с самого начала не скрывал раздражения, теребил плетень, перетянутую серебряными кольцами. Большой власти знак, куда там Бельту с обыкновенною его десятницей камчой.

– Значится, разогнали отряд склан? – поинтересовался Апсой, сморкаясь в кулак. Выпученные глаза его стали еще больше, точно грозя лопнуть от подобной натуги. Но ничего подобного не произошло, нойон вытер ладонь о грязный стол и уточнил: – Вдесятером?

– Девять... – Барабан снова зазвучал, но тихо. – Нимшу потеряли раньше.

– Прикончили хотя бы одного серошкурого?

– Двоих. Или троих.

– Хреново.

Вот тут Апсой-нойон перегнул. При таких раскладах на большее рассчитывать – хамство и плевок в благорасположение Всевидящего. Или это очередной тревожный знак в копилку к кривым взглядам и дурному предчувствию?

– Значится так, камчар. – Апсой встал. Качнулись толстые косы, звякнули чеканные пластинки-обереги, а камча нойонская нырнула под золотую чешую пояса. – Пять дней назад с уважаемым крылатым народом Летающих Островов заключено перемирие от лица нашего ясноокого кагана Тай-Ы. А ты, значится, это перемирие нарушил.

Кёрст за правым плечом засопел.

– Уважаемый, мы третью неделю по лесам валандаемся, а новости у нас только про свежие медвежьи кучи и беличьи потрапушки. – Бельту захотелось прорычать это, но барабан не позволил. Барабан и многолетняя привычка.

– Значится, надо было слушать, что свистят белки между трахом. Командуй людям скидывать оружие и сам снимай. А будете дурить – мне таких как вы на ходу кончать дозволено. Лишь бы головы привез, а на то у меня целая телега бочек и соли до...

Снаружи грохнуло, и Апсой, опрокинув табурет, отлетел к стене. Толчок в спину повалил Бельта ничком, и сразу вокруг замелькали ноги. Слишком много отличных сапог на одну пару Кёрста, истоптанную и подвязанную ремешками.

Земляной пол перед самым носом брызнул комьями из-под лезвия меча. Еще один клинок, походя, ткнулся в бок, но лишь скользнул по тегилью, прищипливая плащ к полу. Да там и остался: хозяина снесло тяжелым обухом. Кёрст скакал где-то высоко-высоко, молотя сапогами куда страшнее, чем излюбленным топором и не подпускал никого к командиру. Но Бельт понял, что сдохнет здесь и сейчас не от очередного удара, а от боли, выворачивающей левую щеку мясом наружу. Эта мысль бесила. И совала в ладонь рукоять кинжала.

Кто-то взвыл, получив под колено словно серпом, и с рычанием повалился на Бельта. Откатиться не вышло – мешал прибитый к полу плащ, зато получилось вогнать кинжал точно в подмышку. К губам, будто для поцелуя, прижалась колючая щека. Бельт вцепился в нее зубами, чувствуя, как собственная боль уходит прочь. Он почти любил врага, подарившего короткое исцеление, пускай и смешанное со вкусом крови. Уж к этому-то не привыкать.

Неудачливый «лекарь» затих, а вместе с ним в комнате смолкли звон и хруст. Остались только короткие всхлипы и тяжелые шаги.

– Жив, камчар? – Кёрст толкнул тело на пол и рывком поставил Бельта на ноги. Лучше бы убил.

Снаружи доносились звуки рубки, обрывки приказов и лай собак. А еще – особый свист. Так умел свистеть только Войц-Молчун. Делал он это лишь дважды и оба раза – когда ходил в конные атаки, из которых назад ждут одного из сотни. Сейчас был третий.

Апсой лежал на спине, пяля в потолок глаза. Точно посреди груди, выворотив золоченые пластины бехтерца, зияла дыра. Хороший выстрел. Это красавец Зура расстарался, только он жаловал пороховые ручницы. И берег единственный заряд для особого случая. Вот и представился...

Кёрст осторожно выглянул в окно и тут же отпрянул. Почти сразу входная дверь пошла ходуном от ударов.

– Вдвоем мы остались, камчар, – тихо сказал Кёрст.

Пытаясь снова задавить боль в голове, Бельт наступил на чью-то кровоточащую ладонь. Некрупная мальчишеская, мизинец на тонкой нити кожи. Но слишком близко от рукояти меча. Бельт закрыл глаза. Стало хуже, будто молодой вахтангар таки вскочил и полоснул по щеке, кроша зубы и вспарывая язык. А потом схватил за руку и потянул куда-то...

Нет, это не чужой воин, это Кёрст, свой, проверенный десятками стычек, тащил к темному провалу в глубине избы. И Бельт бежал следом, стряхивая боль, как пес воду, разбрыз-

гивая ее по пустым темным комнатам. Они вывалились из двери в слепящий свет только для того, чтобы рвануть назад, уходя из-под копыт пары лошадей при двух ездоках.

– Маф, стой!!! – заорал Кёрст и один из всадников осадил коня.

Второй попытался сделать то же самое, но так неловко, что слетел на землю, и, запутавшись в стремях, пропахал спиной половину двора. Тем временем Маф уже затягивал Бельта в седло, а Кёрст, разбежавшись, вспрыгнул сперва на стенку колодца, а с нее на коня, сдерживаемого словно якорем... Зуру Бельт узнал только по мышастой куртке: у того нынче не было лица, лишь месиво из мяса, костей и кусков искореженного железа. Нет больше красавца, по которому сохли бабы в Ольфийских деревнях. Нет больше ловкача, с которым не страшно даже двое на двое против серошкурных.

Кёрст с рычанием хватанул по стремях ножом, потом снова и снова. Толстый ремень отказывался отпускать ногу мертвого хозяина.

Совсем рядом просвистела стрела.

– Ассс! – выдохнул Маф и хватанул плетью по крупу.

Лошадь пошла тяжело и неуклюже. Бельт со всей силой впился в гриву и сдавил коленями тощие бока. На рысях удалось втиснуться между забором и полуразваленным сараем, хлипким строением отгородившись от стрелков. Сзади напирал Кёрст, матерящийся, злой. Живой.

Хуже всего было бы попасть сейчас в лабиринт плетней и изб: там точно ловушка и смерть. Тем обидней, когда за забором виднеется поле и край леса. Маф вдруг двинул ногой по серым доскам, натянул поводья и принялся сминать преграду конской грудью. Дерево, порченное водой и короедами, сопротивлялось недолго. Копыта отбили короткую дробь – вот она, настоящая песня свободы – и лошади вылетели в поле. Кёрст сразу же унесся вперед, забирая к лесу.

То и дело воздух пачкали стремительные росчерки.

Хорошо было бы оглянуться, но, во-первых, мешал Маф, а во-вторых Бельт и без того знал, что творится у поваленного забора: растекаются в линию вахтангары, вздергивают луки и садят стрелы, сперва по всадникам, потом в небо, выше и выше.

Есть что-то в этом от байги – лихой заезд наперегонки со смертью. Как знать, не отсюда ли родом благородные скачки? Даст Всевидящий, и сегодня будет победа, а с ней и главная награда...

Маф дернулся и выпустил поводья. Бельт только и успел, что сгрести их одной рукой, натягивая, а второй кое-как прихватить товарища за пояс. Все равно не удержал, чуть сам не рухнул следом. Конь завертелся на месте, разбрасывая пену.

Стрела не дала Мафу спокойно улечься. Он так и замер, неестественно выгнувшись, обвиснув на проклятом крепком древке. Бельт вытянул меч и свесился, уверенный, что ляжет сейчас рядом. Очередная стрела ударила по лезвию, отбрасывая руку и передавая всему телу дрожь. Так дрожит тетива и ее хозяин в желании убить. Так дрожит стол, по которому катает черные кости Всевидящий.

Одним ударом Бельт перерубил древко. То ли хруст, то ли деревянный стакан снова бьет по столу. Но Маф больше не напоминал сломанную куклу. Теперь он просто отдыхал, как часто у них случалось – пожухлая трава подстилкой, ком земли подушкой, а под рукой – бесполезный меч.

Кёрст уже скрылся среди далеких деревьев. Куда там нагнать – просто до кромки дотянуть бы. Но лошадь пошла неожиданно резво, и совсем скоро лес принял Бельта.

Разумеется, Кёрст его ждал. Разумеется, Бельт в этом не сомневался.

– На Аркун уходить надо. – Старый воин прекрасно понимал командира без слов.

Бельт лишь слабо кивнул и попытался сквозь ветви разглядеть Око. Тусклый кругляш нашелся за правым плечом, накрепко приклеенный к серо-синему предзимнему небу. Облака

то и дело протирали его рваными краями, то ли в попытке заслонить земное непотребство, то ли просто впитывая божественные слезы. Ох, отольются они кому-то...

Сразу взять нужное направление не вышло: сухой сосняк вскорости сменился молодым ольсом. Сизые стволы росли плотно, цеплялись друг за дружку, растопыривая ветви, хрустели сухой костью. Пришлось давать крюка. Оно и не удивительно: Красный тракт лежал далеко, а значит и нормальных дорог до самого Аркуна не будет. А меньше дорог – меньше разъездов. Кёрст же не раз доказал свое отменное знакомство со здешними тропами. Иначе и соваться в выбранном направлении не имело бы смысла, проще уж сразу повернуть на Ольфию да первому же патрулю сдать.

Их, небось, полно, если уж сюда умудрились вахтагу заслать...

Боль в щеке горячим ножом отрезала все мысли.

– Ничего, камчар, – бормотал Кёрст. – Там отсидимся, а потом... Э, командир, совсем плохо, да? Выглядишь чуть лучше, чем Зура.

Зура-Зура... Сквозь гулкую пелену проступило лицо со стальными цветами, распустившимися на окровавленной плоти. Сгубила красавца его самая любимая баба – пороховая ручница. Плохое оружие. Дурное. Нет у него будущего.

Впрочем, пока будущее толком не виделось и у самого Бельта. Зато чуть ли не каждую минуту за спиной чудился собачий лай и шум погони. Оглядываться было трудно и больно, потому довольно скоро пришлось примириться с чувством, что тянешь на плечах котомку всякой дряни вроде бешеных крыс или змей. Чуть позже исчез Кёрст. Зато появился Маф. Он сидел сзади, молчал и непонятно как держался на лошади. Бельт не задавал глупых вопросов, просто радовался, что Маф рядом. На прозрачной поляне нашелся Кёрст. Он даже не кивнул Мафу, видно, все еще злился за недавний проигрыш в кости.

И снова были тропы и вроде даже какая-то разваленная изба, на пороге которой стоял, обнимая тонкую сталеволоосу девку, красавец Зура. Та водила из стороны в сторону черными дугами глаз, улыбаясь все больше Кёрсту и лишь самую малость Бельту.

Оттуда почему-то взяли в галоп, и пришлось терпеть хлесткие удары ветвей по лицу. И пощечины Кёрста. Зачем они? Или это все же ветки? Ветки. Кёрста снова нет. Никого нет, даже Мафа. Конь есть. Бредет и тянет за собой по земле, как недавно тянул Зуру: нога в стремях, спина в борозде. Почему не хочет взять седло? Устал? Бросит? Бросит. Уже бросил. Дернулся, напуганный, нырнул в туман.

Следом за ним в пелене потонул сам Бельт.

Смерть пахла гнилыми листьями. Не показываясь на глаза, она облизывала Бельта холодным языком, особенно часто прикладываясь к плечам. Вот-вот переползет на шею, а с ней на... Щеку дёрнуло как от удара хлыста.

Это ли прикосновение обожгло, отогнало смерть? Но она действительно отползла, оставив лишь запах прели и липкие оковы слюны на руках и ногах. А еще – темноту.

Бельт моргнул – не веки, наждак – но темнота не исчезла. Только жилами-жгутами проступили на ней ветки.

Значит, лес, а не кузны *железных демонов*. Лежать мокро и неудобно. Промороженное тело как колода, ни сдвинуться, ни пошевелиться. Может, деревом привалило? Или хребет сломал, когда с коня свалился?

Бельт попытался повернуть голову. Тотчас боль отдалась в шею, а рот наполнился кислым гноем.

Ничего, терпимо. Сейчас главное – встать, иначе заколеет до смерти. И Бельт снова дернулся, переворачиваясь на бок. Получилось. И руку свою почуял, левую, как стрельнуло в локоть и садануло запястье, словно с него шкуру содрали. А ноги по-прежнему мертвые.

И тут, обрывая мысли, ветер швырнул в лицо горсть ледяной воды и с нею новый запах. Тонкий аромат дыма заставил насторожиться, а рыжий отблеск костра шагах в десяти – прижаться к листве.

Тихо. Только скрипят деревья, да журчит вода. Ни конского ржания, ни людских голосов, и железо не звенит. Не разъезд. Тогда кто? Кёрст? Скланы?

Кёрст бы прятаться не стал. И не оставил бы так валяться, считай – подышать.

Здесь холод. Там огонь и тепло. И везде смерть. Никуда она не пряталась, не по ней это. Словно ответом одна из теней у огня вдруг шелохнулась. Мелкая, как демон Джу. Поднявшись, она двинулась к Бельту, и листья зашуршали под ногами.

У демона оказалось грязное детское лицо, спутанные патлы и неуверенная походка. А большего и не разглядеть в ночной темени. Он остановился в трех шагах, неловко вытянул из-за пояса нож, каким обычно разделявают скотину, и спрятал его за спину.

– Т-ты... – Бельт еле разлепил занемевшие губы. – Ты кто?

Худющий мальчишка лет десяти, а вовсе не демон Джу. Он долго молчал, уставившись на Бельта, и время от времени прикрывал рот ладонью. И лишь через несколько минут произнес:

– Я – Звяр.

После чего обошел вокруг Бельта и, ухватив за воротник, уложил обратно на спину. Быстро ощупал, куда ловчее, чем управлялся с ножом.

– К огню, – прохрипел камчар. – Меня к огню надо. Или я замерзну.

Звяр, ничего не ответив, побрел обратно к костру. Перечеркнутое поясом лезвие отражало свет ночного Ока.

А Бельт вдруг понял, почему не может двигаться: он был связан.

К утру небо поседело. Пошел мелкий холодный дождь. Он вымочил до нитки, но зато позволил кое-как напиться, не столько мелкими каплями, сколько мутной водой из лужи, собравшейся на дне ложбины.

Мелкий сукин сын снова подошел лишь после рассвета. Сел на поваленный ствол, упер локти в колени, а подбородок уложил на ладони.

– За меня ничего не дадут, – сказал Бельт, глядя в темные в пол-лица глаза. – Разве что клинком в бок.

Шмыгнув носом, мальчишка прижал голову к левому плечу. Но не вымолвил ни слова.

– А я тебе денег дам.

Звяр вытащил из-за пазухи Бельтов кошель, тряхнул так, чтоб зазвенела медь, и спрятал.

– Я еще дам. Я знаю, где взять. Тут неподалеку схрон есть. Серебро и...

– Монету не схарчишь. – Голос мальчишки оказался неожиданно грубым. Словно говорил не он, а парень лет двадцати. – Да и врешь ты всё, дядечка.

– Развяжи меня! – Рык прорвал щеку, и рот вновь наполнился гноем и кровью.

А мальчишка все глядел и глядел, расковыривая на ладони сухую язву. Оторвал корку, сунул в рот и спокойно сказал:

– Не отпуска. Я хочу есть. Очень хочу.

Края ложбины смыкались, как жирные земляные губы. И гнилыми клыками торчали навстречу друг другу стволы. Мокрая листва, ободранная ветром, заткнула рот и почти засыпала узкую горловину ручья.

Хорошо. Если бы не подстилка, Бельт давно бы помер: ночи стояли холодные, но в куче гнильях сохранялись капли дневного тепла. Зарываться же одним телом он научился быстро.

Журчала вода, скреблась о камни, изредка вспухая желтыми пузырями газа, как будто земле становилось тошно.

До воды далеко. Но есть листья. Они тоже мокрые, хранят влагу от недавнего дождя.

Звяр не мешал. Он приходил, садился неподалеку и наблюдал за Бельтом. Ждал. Лучше бы добил, сученыш. Но нет, посидев, Звяр убирался к костерку, продолжая следить уже оттуда. Он был очень терпеливым. И метким.

На второй день на Бельта села ворона. Тошная и мелкая, она долго не решалась спуститься, перебираясь с одной ветки на другую, с каждой все ниже и ниже. Потом все-таки осмелилась и, свалившись прямо на грудь, вцепилась острыми коготками в разбухшую кожу тегиляя.

– Пшла! Кыш!

Бельт дернулся, но ворона лишь хлопнула крыльями. Она разглядывала Бельта, поворачивая голову то направо, то налево. И он разглядывал ворону, особенно крепкий седоватый клюв.

Будет бить в глаз. Они всегда перво-наперво их выжирают.

Ворона приоткрыла клюв, высовывая черную нитку языка. И разлетелась облаком сизого пуха. С пращей мальчишка обращаться умел. Птица сдохла не сразу, копошилась где-то рядом, била крыльями и хрипела, пока Звяр не свернул ей шею подрагивающими руками.

Вот так и ему бы открутить башку. Или раздавить хлипкое кадыкастое горло. Такому мозгляку хватит одного удара.

Вечером от костра тянуло палеными перьями и жареным мясом. А Бельт, зарывшись в кучу гнилья, снова и снова раздирал занемевшими пальцами комковатую глину в поисках камня. Не находил, только сдирал ногти, сам того не чувствуя.

Добраться бы до ручья. Или совсем скоро камчар окончит дни как мясной телок, перекочевав по частям сперва на костер, а потом в рот, вечно прикрываемый грязной ладонью. Лишь бы паршивец уснул.

Но вместо этого мальчишка, закопав остатки вороны в яму, подошел к Бельту, сел рядышком и снова вылупился. Может, отпустит? Поел ведь. Хоть как-то, да поел.

– А ты воевал, дядечка?

– Да.

– С крыланами?

– Да.

– И это они тебя?

– Отпусти, расскажу.

Звяр вытащил из-за пазухи камень, приладил к широкому ремню пращи, крутанул, примеряясь.

А если сейчас? Если ему надоело ждать? Это ж просто совсем, что ворону, что человека...

– Ты ж поел, – сказал Бельт. – Отпусти меня. Не трону, Всевидящим клянусь! А хочешь, выведу? Я тропы знаю. Чего тебе в лесу делать? Зима скоро. Замерзнешь.

Пялился-пялился, дышал шумно. Пращу вертеть перестал, и казалось, что всерьез раздумывает. Но вот тонкие, точно углем нарисованные брови сошлись над переносицей, и Звяр произнес:

– Ворона маленькая. С нее брюхо крутит. Зайца бы. У меня был заяц, но кончился.

Звяр согнулся пополам и сплюнул чем-то вязким.

Может и выгорит. Только бы время потянуть еще чуток.

– Я мамку слышу, – прошептал мальчишка ни с того, ни с сего. – Она померла, а я всё одно слышу. Мамка не велит спать. Говорит, ежели засну, то помру. А мне идти надобно... Только поесть сначала. Хорошо поесть.

Его вытошнило минут через пятнадцать. Как только Бельт услышал затяжной кашель, то переломанной змеей пополз к краю ложбины. Не успел: подскочивший сбоку Звяр, сопя от натуги, столкнул обратно на дно. Снова скрючился, заплывывая листву и Бельта.

– Не всех в этом мире можно жрать! – заорал Бельт, пытаясь зацепиться за корень. Корень, хрустнув, отломился, а Звяр, вытерев губы, ответил:

– Всех, дядечка. Всех.

И Бельт знал, что во многом мальчишка прав.

К вечеру приморозило. Узкая туча разродилось крупчатым снегом, который солью рассыпался по земле. Бельт лежал, глядя в мутное ночное Око, и думал о том, что Мафу и Зуре в чем-то даже повезло.

– Почему ты еще живой? – спросил Звяр, разгребая кучку листьев. Вытащил трухлявую деревяшку и, расколов, принялся выбирать сонных личинок. – Подыхай давай.

– Отпусти.

Звяр только мотнул лохматой головой и сказал уже привычное:

– Я есть хочу.

– Тогда чего ждешь? Убей. Или духу не хватает?

– Зачем убивать? Ты сам помрешь. Скоро.

– А ты?

– А я уйду. Далеко.

Дальше неба и седого тумана, что застилает глаза. Вот-вот накроет, унимая боль, убирая холод и ломоту в костях. Чего дергаться? Мальчишка делает, что может. И кому как не Бельту его понять? Только помирать все равно паршиво, даже с пониманием.

– Я в *Белый город* уйду, дядечка. Там хорошо. Там всем хорошо, и много еды.

Туман свивался башнями, отчего-то кривыми и похожими не то на *Понорки*, не то на длинные стволы кхарнских пушек, что целились в Око, грозя земным небесному.

– И когда все будут сыты, то никто не станет воевать.

– Станет.

– Нет!

– Да, – Бельт с трудом повернул голову и, ухватив губами жесткий лист, принялся жевать.

Лист резал десны и царапал уже не единожды пробитую шкуру шрама, наполняя рот смесью грязи и гнили. На зубах заскрипела земля, а к горлу подкатил ком сухой тошноты. Выплюнуть жевок не вышло, так и прилип к подбородку. А Звяр достал нож.

Волглый сумрак вздрогнул от тугого стога рога. Сиплый звук сбил с лещины последний лист, спугнул стаю синиц и стих, растворившись в тумане. Звяр замер. Заткнулась сойка, рыжей тенью взлетела на сосну белка. Исчезла. Стало настолько тихо, что Бельт услышал дыхание мальчишка: мелкое, частое, как у кобеля на случке. Забухало, отдаваясь в стылую землю, сердце. И земля ответила приглушенным топотом.

Звяр сорвался с места и принялся торопливо закидывать Бельта листвой, приговаривая:

– Лежи, дядечка. Тихо лежи!

Издали донеслось конское ржание. Если заорать...

Звяр на четвереньках подполз к костру, опрокинул на него загодя приготовленную кучу мокрых листьев и, выхватив из-под корней какой-то сверток, скатился обратно в ложбину.

– Лежи, дядечка, лежи. Найдут – плохо будет!

Сверток оказался старым чепраком. Истершийся, в корке глиняной коросты и листьев, он был неотличим от земли. Накинув полог на Бельта, Звяр нырнул следом, приник и ладонью зажал камчару рот.

Кто бы они ни были, но шли близко. Звенела упряжь, скрипели ремни, смешивались голоса.

Совсем рядом захрустели ветки, и Звяр дернулся, мазнув скрюченными пальцами по ране. Бельт впился бесчувственными пальцами в землю.

Только бы собак не было, только бы не было собак.

Мальчишка лежал, прижавшись лицом к груди, и дышал через раз. Они теперь в одной упряжке – преступник, почти что дезертир, и его малолетний пособник. В лучшем случае зарубят на месте.

Остановились.

Трое? Пятеро? Если толковый разезд – не меньше. Впрочем, Бельту и одного нынче хватит.

Над головой зашумели листья, кто-то тяжелый заскользило по дальнему склону. Ругнулся. Прошел краем. Совсем рядом.

– Живее давай! – крикнул кто-то, не особо довольный.

– Сейчас!

Тяжелый не торопился. Чавкали сапоги, продавливая глинистый берег. Плескалась вода. Скрежетали ножны, цепляясь за камчу.

А в груди булькало, переливалось, давило кашлем. И мальчишка сверху. Тяжелый, хоть на вид и скелет скелетом.

– Хватит плёскаться! – донеслось, перекрывая прочие звуки. – Потом отскребешь! Кроваки он не любит. Кто ее любит-то?

Бельтово плечо вдруг хрустнуло под нажимом, пошло вбок, и вывернутая рука натянула веревочные путы. Растянула. Всего чуток. А боль – к ней он привык.

Только бы тяжелый не принял в сторону, поднимаясь от ручья.

Не принял. Возвращался след в след. Вот заржали лошади, загомонили люди. А после стало тихо.

Уткнувшись лицом в Бельтову грудь, сопел Звяр. Его дыхание, пробиваясь сквозь одежду и грязь, хоть как-то да согревало. Сейчас бы протянуть руку, схватить за глотку...

– Слазь, – сказал Бельт.

Звяр сполз. Стянул чепрак, скрутил комом и завертел башкой, озираясь. Черной взрытой полосой пролегла дорожка от верха канавы к ручью. Вода лизала глубокие рытвины от каблуков и затирала следы. Валялась у самого берега бурая тряпица.

– Будешь ждать моей смерти? – спросил Бельт.

– Буду.

Мальчишка повернулся и побрел к засыпанному кострищу. Разгребать не стал, просто сел, укутавшись в чепрак, как в плащ и уставился на воду. А треклятая веревка особенно неприятно сдавила руки.

Ночь выдалась мутной. Ветер гойсал по лесу, ломал вершины елей, щедро швыряя вниз пригоршни мокрой иглицы. Ухала неясить.

Звяров костерок трижды гас, и после третьего разу мальчишка не стал зажигать его наново. Он лежал, черным комом выделяясь на гладком берегу, и не шевелился.

Сам сдох? Хорошо бы.

Бельт пополз к ручью. Камни. Всего-то и надо, что пару раз дерануть об них веревку, после хорошенько рвануть, не жалея рук. Глядишь, и выйдет. Ну не лежать же бараном к ужину.

Низкий берег принял в скользкие ладони, лизнул знакомым холодом и сам подтолкнул к узкой ленте ручья. Штаны набрякли водой, а вскоре и весь Бельт вымок до нитки, но нащупал нужное. Прилачился к острой грани, резанул, наваливаясь телом.

Голова ушла под воду, в ямину, каковой тут быть не могло, но однако же была. Холодом хлестануло в нос и рот, продираясь сквозь выгнившую кожу. Течение вытолкнуло, позволяя глотнуть воздуха.

Еще раз. Хрустнуло. Что? Руки? Камни? Какая, хрен, разница. Главное, что тело стынет. Больно. Но надо снова... С какого получилось – Бельт не знал. Он и не сразу понял, что руки

свободны, и держат их вместе только привычно сведенные плечи. Шевельнулся. Едва не заорал от новой боли. Попытался локти поднять – куда там, бездвижные почти.

А спешить надо. Мальчишка ведь чуткий, того и гляди – проснется.

Ветер крепчал, грозя стегнуть хлыстом по набухшему брюху тучи и вывалить колючую труху снега. Не мелкого соляного, а плотного и вязкого, аккурат для огромных сугробов и мерзлых людей.

Бельт выполз на берег и лег, уткнувшись лицом в привычную и мягкую подстилку. Так лежал, сжимая и разжимая кулаки, шевеля запястьями, разгоняя кровь по закаменевшим мышцам, пока не почувствовал, что снова хозяин своим рукам.

После, вытащив из ручья камень, разодрал и ножные путы. Вышло легко, куда легче, чем подняться.

Мальчишка спал. Он не проснулся даже от пинка, и только когда Бельт, ухватив за шиворот, встряхнул его, открыл глаза. Но не произнес ни слова. Даже не пискнул.

– Зря ты меня не послушался, дурак.

Левой рукой Бельт вытащил из-за пояса Звяра камчу и нож.

Всего-то один удар. Это будет даже милосердно. Все равно в лесу сдохнет. Или найдет себе кого другого, такого же беспомощного, как Бельт. А то и мертвого. С мертвяками-то оно проще, главное глаза закрыть и на голову чего накинуть... Уж Бельт-то знает.

– Убьешь меня ножиком, дядечка?

Спокойный, гад.

Можно и без крови. Придушить ремешком или шею дернуть. Она ж тонюсенькая, как ветка. Хрустнет, душу выпустит, не дав измараться.

– Мне тоже идти теперь далеко, – сказал Бельт. – Еды нужно много.

– Ты ж говорил, что не всех можно есть.

– А ты уже пробовал человечину, сопляк?

– Нет, дядечка. Говорю же – у меня заяц был. Давно, правда.

Бельт разжал пальцы. Мальчишка вывернулся и, отбежав к ручью, остановился. Присел. Взял в руку гладкий камень. А ведь с него станется по следу пойти и, выждав момента, запустить этим самым камнем да в Бельтову голову. Хрустнет косточка, выплеснет красное и серое, добавив миру цветов, которых и так в достатке.

И небесное Око привычно отвернется.

Еще не поздно все исправить, ударить наперед, предваряя чужой удар. И все пойдет по привычному кругу.

– Нельзя жрать людей, парень. Иначе когда-нибудь, когда ты станешь бортником, ткачом, а может быть даже камчаром, Всевидящий тебе это припомнит. Тебя сожрут свои же. И не подавятся.

Бельт посмотрел на камчу, после чего широко размахнулся и забросил ее в кусты. Повернувшись к Звяру спиной, он заковылял вверх по течению.

Дневал бывший камчар в овраге, привычно зарывшись в кучу листвы. А когда стемнело, продолжил путь. Ложбина становилась ниже и шире, пока не вывела к желто-бурой глади болота. Черными столпами протянулись по границе пожженные березы, зеленел, противясь скорой зиме, вереск. То тут, то там торчали корявые лапы сосенок.

Конь брел по самому краю. Запутавшись в поводьях, он мелко перебирал передними ногами, и неуклюже переставлял задние. И пригнувши морду к земле, жадно выбирал из белого мха длинные плети клюквы.

Тускло отсвечивала сбруя, и знакомый узор проступал на седле сквозь потеки крови.

– Чуба, – позвал Бельт и, свистнул по-особому, хоть щеку и полоснуло огнем.

Надо бы мха набрать. Болотный мох гниль вытягивает. И клюква для кишок полезная.

А конь, вскинув голову, жалобно заржал и заковылял к Бельту.

Узнал, холера! Узнал. Ткнулся мягкими губами в ладонь, потерся, громко переваливая во рту грызло, и язык высунул, жалуясь.

– Сейчас я тебя распутаю... Сейчас расседлаю... Отдохнем. А хозяин твой где?

Конь потряс головой и попытался ухватить за ухо. Вкусного клянчил.

А крови натекло изрядно. Хватило, чтобы и чепрак промочить, и потник пропитать насквозь. Видать, не сразу Кёрста ссадили.

Зато в седельных сумках нашлось полкраюхи хлеба, кусок сыра и баклага с настойкой на можжевельных ягодах.

Жизнь налаживалась.

Подумав немного, Бельт насадил сыр на ветку, как раз так, чтобы удобно было дотянуться мальчишке лет десяти.

Звяр брел по лесу, выискивая следы. Трогал поломанные веточки. Разглядывал давленный мох. Один раз остановился, соскребая с коры грибную накипь. От давешней вороны остался свернутый узлом живот и одна лапа, да и та безвкусная, на деревяшку похожая.

У муравейника Звяр задержался надолго: раскапывал, раздирая иглицу руками, а после давил сонных муравьев.

Мало. Зима скоро и морозит уже.

Не выжить.

Звяр шел, думая о том, что сумеет он поесть – хоть разочек, но чтобы досыта – сил бы прибавилось. И хватило бы, верно, на то, чтоб до города добраться. А там уже все будет по-другому.

Сначала он нашел в кустах топор, добротный, тяжелый и весь окровавленный. И тащил его через поляну, туда, где на старой сосне висел труп. Острый кол ветки пробил и рубаху, и кожу, и кости с мясом, вышел из живота. Крови почти не было, головы тоже. На белом огрызке шеи виднелись неаккуратные зарубины, да торчала из среза косточка. Мелкое зверье еще не успело толком пообгрызть пальцы, птицы не расклевали срез, не вытянули черные жилы.

Звяр подошел ближе. Тронул шею, понюхал пальцы. Гнильем не воняло, значит, свежий мертвяк. Большой. И сидит крепко. Звяру пришлось расколупывать рану в брюхе, а после, упираясь ногами в горбы корней, тащить упрямо тело. Сперва оно не поддавалось, но вдруг, хрустнув, сразу пошло, повалилось кулем на землю, выставило спину, изукрашенную яминами. Сунув в одну палец, Звяр нащупал жесткое оголовье стрелы.

В Белом городе не станут стрелять в спину. Там никогда ни в кого не будут стрелять.

До Белого города еще идти и идти...

Надо только поесть досыта. Хотя бы разок.

Вот оно, едево, лежит у ног.

Звяр со всей злостью размахнулся топором и вогнал лезвие в землю. Потянул, вывернул ком земли, снова обрушил орудие, углубляя могилу еще на пядь. Он копал и плакал. Выдыхал тоску, выдавливал ее из глаз вперемешку с соленой водицей и желанием жрать.

С очередным ударом топор почему-то не увяз в земле, а ухнул в глубину, увлекая мальчишку следом. Пальцы, выпустив рукоять, ухватились за что-то горячее и мягкое, липкое от крови. Вытащили кое-как. Сжали, выдавливая остатки жизни из полосатой тушки бурундука. Рыдая, Звяр обеими руками разгребал нору, вытаскивал полные горсти орехов и сухих ягод. Рядом, широко раскинув руки, лежал безголовый труп.

По небу цугом ползли облака, чистые, как стены далекого сказочного города.

Туран

...и велибрюд, тако же верблютом именуемый – как две башни на четырех ногах, тяжел и весел, давит своим копытом врага и смеется, и плюет от хохота, и не плюет только в хозяина башен; и уранк, коий телом – овен, головой – селезень, а родится из камня, лизанного горными козлищами; и вермиц – о шести руках, аки гигантская блошица, с твердым боком и спиной, поющий в полночь и полдень гимны наизнанку, а из еды токмо молодых щенков уважающий; и страшный сцех-ящер – ползуч, когтист да клькаст, истинно гад, конем осмылапым вниз и вверх по горе скачет да на бегу врага гложет...

«Правдивое описание тварей всех пределов», сборник списков Уркандской библиотеки.

*Был простец – стал купец,
Был купец – стал глупец,
Был глупец – стал ловец,
Был ловец – стал...*

Кхарнская считалочка.

Издалека стены Шуммара казались ослепительно белыми, точно и вправду вырезанными из мамутовых бивней, но по мере приближения они принимали вид и цвет самый обыкновенный. Сложенные из светло-серых глыбин, стянутых окаменевшей сетью раствора, они пестрели зелеными бляшками мха и бурыми – лишайника. Поверху прозрачную броней растянулась ледяная корка. Тонкая, она таяла к обеду под скудным зимним светом Ока, а к вечеру вновь появлялась вместе с колючей трухой снега.

Прямо на въезде шероховатым языком, вывалившимся из пасти ворот, лежал большой поселок. Грязная река тракта разбивалась здесь на множество ручьев, которые тянулись к домам, постоянным дворам, лавкам, мастерским, стойбищам для скота и походных лагерей. Основной же проток, как и положено, вел к плотине ворот и даже по такому времени был пусть и не стремителен, но полноводен. Неторопливой змеей полз наирский караван; распевая гимны, шествовала колонна паломников, обряженных в волчьи шкуры; пара волов, разбивая копытами мерзлую землю, тянула грузеный свертками и тюками воз. Где-то неподалеку истошно ревели ослы. Пахло дымом и немного навозом.

И город блудливый раскинул объятья, готовясь ко встрече...

– Чаю... Кому ароматного горячего чаю... – сиплому голосу разносчика сопровождал перестук деревянных кружек. – Чай и пироги...

Строка катрена, пришедшая было на ум, оборвалась. Туран, отрицательно мотнув головой, попытался кое-как натянуть рукава куртки, чтоб прикрыть побелевшие ладони. Он с превеликим удовольствием выпил бы чего-нибудь горячего, но Фершах, давно свернув с тракта, вёл мулов без остановок, словно желая поскорее сбежать от пережитого страха. И Туран, говоря откровенно, его понимал. Ведь всё могло закончиться намного хуже. Ну откуда было взяться таможенному инспектору с патрулем так далеко от ворот?

Даже Карья честно признался, что до конца не уяснил, каким образом Фершах убедил стражников не лезть дальше первой тележки и не задавать лишних вопросов. Одно слово – мастер. Зато теперь окончательно стало понятно, почему за свои услуги этот неулыбчивый старик заломил цену вдвое выше обычной и поднял ее еще на четверть в процессе торга.

Туран врезал палкой по спине излишне ретивого нищего и сразу представил собственную экзекуцию. Тут поркой дело не обойдется: за их груз руки-ноги секут, а брюхо угольями набивают. В назидание, так сказать, жадности.

– Эй, парень, кончай кривиться, – Карья ободряюще подмигнул. Ну да, этому нипочем ни голод, ни холод, ни многодневная тряска в седле.

Высокий и худощавый Карья являл собой тот удивительный сплав многих черт, что встречается лишь в приграничье. Синие глаза и упорство наирцев сочетались в нем с медной кожей и ловкостью кочевников-хаши. Легкий нрав и изворотливость жителей Лиги уравнивались спокойностью кхарни, в наследство от которых Карье достались также светлые волосы и обманчивая хрупкость черт. Рядом с напарником, Туран казался себе невзрачным и непримечательным. А еще – молодым и неопытным.

– Говорю же, улыбнись, не пугай детей мрачной физией, – Карья огрел хворостинной рыжего мальчишку, что сунулся было к тюкам. Оборванец с воплями бросился прочь, а Карья рассмеялся и, сунув два пальца в рот, свистнул вслед. А когда мальчишка обернулся, крикнул что-то на одном из наречий, наверняка, обидное.

Вот таким надо быть! Веселым и бесстрашным, чего бы ни случилось.

– Я могу отвести вас к Рауду. У него хороший постоянный двор недалеко, – бросил вдруг Фершах.

– Благодарю за любезное предложение, уважаемый, но я люблю прибывать к той цели, которую намечаю сам, – сказал Карья.

Фершах лишь пожал плечами.

Наконец, очередная улочка вильнула и уперлась в низкую длинную постройку. Стены ее, некогда выбеленные, теперь пестрели пятнами и потеками, соломенная крыша местами почернела, и дым тянулся не из печных труб, а тонкими сизыми струйками просачивался сквозь солому. Турану сперва даже почудилось, что дом горит. Но потом он заметил человека, который, оседлавши бочку, спокойно чинил сапог, а на дымящий дом и не оглядывался.

– Ладно, старик, – произнес Карья, спешиваясь, – здесь и распрощаемся.

– Дурное место, – пробурчал Фершах. – Вам виднее, но послушали бы деда, которому случалось видеть многое, а слышать еще больше, чем видеть. У Рауда хорошее подворье. Сам хозяин хоть и не богат, но честен и нелюбопытен.

– Спасибо за заботу, но это место нам подходит. Туран, помогай давай.

Фершах молча глядел, как развязывали веревки, как снимали ящики, о содержимом которых он старался не думать, как снова увязывали тюки с дешевой тканью. И не только с ней: была внутри пара свитков действительно хорошего товара.

– Что ж, мастер, – закончив дележ, Карья протянул поводья головного мула. – Мы свое слово держим.

– Да пребудет с вами милость Всевидящего.

– Трус, – прошептал Туран, глядя на поспешность, с которой исчез их проводник.

– Скорее, благоразумный человек. А теперь уходим. Бери, – Карья подхватил один из коробов так легко, словно в нем и вовсе нет веса. – Осторожнее только.

Туран хотел огрызнуться, но смолчал: в этом деле лишний раз напомнить – только на пользу. Собственный же ящик, показалось, весил больше обычного. Длинной в полтора и шириной в пол-локтя, он был изготовлен из особой древесины, прочной, но тяжелой, и перетянут для надежности кожаными ремнями. От них отходили веревочные лямки для переноски на спине. В крышке и по бокам виднелось несколько рядов аккуратно высверленных дырочек. Там же имелись бронзовые ручки, обмотанные тканью.

Хорошая вещь.

– Кого шабаршите, брысы? – отложив сапог в сторону, вдруг поинтересовался человек.

– Ништяво. Клеста водим, – отозвался Карья, прилаживая ящик за спиной. Туран ничего не понял, но сапожник объяснением удовлетворился, кивнул и снова принялся за дело.

Правда, случись Турану задержаться на несколько минут, он бы вероятно узнал битого Карьей мальчишку, который, скользнув во двор, принялся объяснять что-то человеку. Тот, выслушав, швырнул недошитую обувь в бочку и сердито пролаял:

– Ну, брысы шакушные! Внахрю пометелили... Цыркарю забаклай на попригляд, поласкавьте цветажных.

Карья, протиснувшись в щель между хибарами, выбрался на улочку, каковая, на взгляд Турана, ничем не отличалась от той, по которой они шли минуту назад. И предыдущей, и той, что была до неё. Петляли долго и вроде бы бестолково, но здесь Карья приостановился, огляделся, выискивая одному ему понятные приметы, одобрительно кивнул – видно и вправду идти недалеко осталось – и тут же, заслышав многоголосый гомон и смех, замер. А из-за угла уже торопливым ярким колесом выкатился хоровод артистов-оборванцев. И сразу, оглушая, грянули девятиструнные селимбины, завывли дудки, забренчали медные колокольцы. Ярко размазанные девицы затянули что-то озорное на смеси наирского и кхарни, а в руках жонглеров заплясали алые кольца. С полдюжины ребятишек, кружащих рядом, разразилось восторженными воплями.

Карья было попятился, но натолкнулся на Турана, а спустя мгновение оба они оказались в центре толпы.

– Не ведал старый басторне, как удержаться на жене... – заходились ненастоящие красотки.

– Эй, уважаемые купцы, всего за четыре «жеребка» Вармун проглотит десяток кинжалов! – заверещал юноша в желто-зеленых ромбах и дырах, ловко вставая на руки.

– Еще! Еще! – голосили мальчишки, восторженно следя за мельтешением колец, которых становилось все больше.

– Или фокусов желаете? – не унимался цветастый, становясь на ноги. – А может – эквилибристку-Ройше из Паристорна?

Мелькали пышные юбки и буфы, пахло вином и приторными духами. Что-то потянуло за куртку, разворачивая, и коснулось щеки. Туран оттолкнул было руку, но другая уже гладила шею. Мертвенно-бледное от пудры лицо с алыми губами оказалось вдрут близко-близко.

– Карманы, – рявкнул Карья и заработал локтями.

А Туран уже чувствовал, как гуляют по его телу, сковывают движения чужие руки. Одно плечо вдруг стало свободно, а взрезанная лямка легко соскользнула вниз, но ящик и не думал падать – кто-то его уже надежно держал сзади.

– Дай монетку бедной девушке... отблагодарю... – на широком подбородке красавицы через слой белил пробивалась щетина.

– А ну!.. – заорал Туран, но осекся, напоровшись на холодный взгляд и проблеск стилета, среди яркой ткани.

И тогда Туран сорвался. Плетью выбросил кулак от бедра навстречу страшному лицу, лишь перед самым ударом чуть дернув запястьем. Скрытый кинжал выскочил из широкого рукава и вошел точно в глаз комедианта. Вырвав клинок из тягучей раны, Туран наотмашь полоснул кого-то справа, судя по визгу – одну из девок. Лягнул, не глядя, стоящего за спиной и сразу присел, подхватывая ящик.

Ряженный рухнул одновременно с первым истошным криком.

– Убиииваюют!

– Стражааа!

Что-то глухо стукнуло о деревянную крышку, а Туран, не вставая, всю бил по ногам, впрочем, почти не находя целей: артисты разбежались. Через четверть минуты проулок опустел. Памятью о происшествии осталось несколько лужиц крови, оборванный бубенец и труп. Да еще – удаляющиеся, но не смолкающие вопли.

Карья сидел, привалившись к стене, и пытался отдышаться. Ящик стоял тут же. Карья, опершись на крышку локтем, придерживал его за лямку: тоже, наверное, подрезали. А еще чуть-чуть и точно бы сперли. Туран виновато пожал плечами и протянул товарищу руку. И только после этого заметил потемневший бок куртки и измазанные красным Карьяны пальцы.

– Карья, ты что? Где... В каком кармане кровостоп?! – Туран попытался коснуться раны, но Карья мотнул головой.

– Не работает. Мы еще далеко... – Стеклянная палочка в его руках действительно еле светилась. – Бери груз и уходи.

– Тебя лекаря надо, я тебя сейчас... – Туран судорожно соображал, до конца не веря в серьезность произошедшего: амулет пока не помощник – плохо, но не беда. Заткнуть, чтоб не кровило, и дотянуть до лекаря. Должен же тут быть лекарь? Да и не может Карья умереть, он же... не может и все. Не такой он, чтобы из-за пустяка... чтобы в подворотне... не дойдя до цели.

– Слушай сюда, – прошипел Карья. – Ты возьмешь всё. И быстро уберешься. Важно – доставить. Ты понял? Понял?!

Туран застонал, посылая к железным демонам ящики и самого Карью, который кровью истекал, но думал лишь о проклятом грузе, запрещая помочь. А следом обматерил и сволочную лямку, так неудобно обрезанную.

Пальцы сняли фиксатор, кинжал уперся в крышку, щелкнул стопор, зашуршала пружина, и клинок исчез в рукаве. На гладкой светлой поверхности не осталось даже отметины.

– Вали отсюда. Быстро! Пока стража или...

– Но ты же тогда...

Узел не завязывался, а значит, была еще несколько секунд, чтобы потянуть время. Туран знал, что Карья разозлится, когда поймет, но не мог заставить себя подчиниться приказу. И даже стража, способная появиться в любой момент, пугала несравнимо меньше, чем необходимость вот так просто выскользнуть из этой подворотни.

Нельзя бросать своих!

– Слушай, – Карья тяжело сглотнул, – Подворье Слепого Мауллы... Кварталов шесть направо. Любой ценой... Слышишь? Любой ценой! Потом ищи Ниш-Бака. Книжника. В городе. Пароль – яйцо...

Туран в очередной раз попытался завязать узел негнуцимыми пальцами, но снова не смог и завыл сквозь сжатые зубы.

Нельзя бросать!

Наконец, ремешок натянулся, и ящик привычно лег на спину. Кое-как сграбастав второй короб в охапку, Туран замер над умирающим напарником.

– Пошел! – снова зашипел Карья. – Дай мне подохнуть с верой в удачу!

Туран развернулся, сделал несколько шагов, а потом неуклюже побежал.

Нельзя. Но надо.

Если бы он мог оглянуться, то заметил бы, как из-за кучи мусора вылез давешний рыжий мальчишка. Он подошел к Карье и, мстительно улыбаясь, помахал перед его лицом ушибленной рукой. Но Туран убежал, не оглядываясь, ибо знал, что иначе уйти не сможет.

Колодезная вода обжигала руки и лицо холодом, отрезвляла и успокаивала настолько, насколько можно было успокоиться. Наверное, поэтому Туран и затягивал умывание, снова и снова подставляя сложенные лодочкой руки под струю.

– Хватит, – не выдержал Ыйрам и скривился.

Волохи не любят слабаков. Надо разговаривать. И Туран, дохнув на замерзшие руки, сказал:

– Я прошу меня простить, – первые слова дались с трудом, но тугой узел страха, сдавливавший горло, почти исчез. Главное сделано: он сумел. Дошел, отыскал двор Слепого Мауллы, доставил товар.

– Горячего вина? Бараньих ребрышек с тмином? – любезно осведомился Заир. Из всей троицы именно он больше всех походил на купца: низкорослый, полнотелый и улыбчивый, Заир вел себя с такой непосредственностью, точно и вправду был хозяином заведения, на заднем дворике которого они находились.

– Пить и жрать будем после. – Ыйрам и не пытался играть роль. Да и захоти – не вышло бы. И дело даже не в том, что цветастый кафтан и широкие шальвары смотрелись на его высокой сухопарой фигуре нелепо. Скорее уж происхождение выдавали длинный хвост волос и широкоскулое лицо с узкими глазами, но больше всего – рука, непрерывно ищущая оголовье отсутствующего меча.

Типичный косматый наирец. Волох – он волох и есть.

Имени третьего Туран не знал – представить его Ыйрам не соизволил, а спрашивать самому показалось неуместным. Да и держался Безымянный в тени, у двери, наблюдая и за служками, и за двором, и за Тураном.

– Показывай, – велел Ыйрам.

– Да, да, хотелось бы взглянуть. Пожалуйста сюда, удобнее будет... Они не замерзнут? Здесь довольно-таки прохладно. – Заир демонстративно подул на ладошки.

– Не должны. Там, откуда они родом, по ночам морозы, днем – жара. Тем и хороши, что стойко переносят такие перепады.

Туран не без труда – мышцы после пробега по дворам с двойным грузом ныли – водрузил ящик на стол. С некоторой опаской провел по пестрящим дырками боковинам и только потом взялся за замки. Заледеневшие пальцы слушались плохо, ремни были затянуты туго, а помогать ему не стремились.

Туран вдруг с облегчением понял, что всего через четверть часа избавится не только от тяжелых коробов, но и от куда большей ноши – всех этих дней и событий. Забудет подворотни Шуммара, циркачей и Карью, оставшегося в том переулке. Попытается забыть. И если поторопится, то успеет к ежегодному соревнованию чтецов и толкователей, очистится словом и уютom родной Байшарры.

Пусть память, отпустив, свободу даст... даст свободу.

А дальше? Еще одна никчемная строка.

Наконец, получилось справиться с застежками, ну а замок проблем не доставил: ключ повернулся легко, внутри щелкнуло, и Туран откинул крышку.

– И это все? – Ыйрам разглядывал содержимое с выражением брезгливым и недоуменным. – Это и есть...

– Да, да, несомненно, – перебил Заир, наклоняясь над ящиком. Внутри, в разделенном на квадратные ячейки пространстве, заботливо укутанные в овечью шерсть, лежали яйца. Заир, ловко ухватив одно за заостренную верхушку, вытащил, положил на ладонь, поднял к свету. – Да... оно... великолепно... признаться видел лишь в... коллекции.

– Осторожнее. Чем ближе к сроку, тем тоньше скорлупа.

Яйцо было размером с гусиное. И крапчатая, отливающая золотом скорлупа его уже проросла сосудами. Еще несколько недель и она почти исчезнет, превратившись из твердокаменного защитного слоя в кожистый мешочек, прорвать который не составит труда.

– Здесь три десятка. Там, – Туран показал на второй ящик, – два с половиной. Это все, что удалось достать, но основная кладка – старшей самки аяла и еще нескольких из ее химны.

– Хорошая работа, – соизволил похвалить Ыйрам.

Заир же вернул яйцо на место и заботливо прикрыл шерстью.

Все, основное сделано. Остались инструкции. И Туран, мысленно пожалев, что вино так и не принесли – в горле снова пересохло – заговорил.

– Сроки рождения зависят от температуры. Время роста – от неё же и от корма. Поначалу подойдут мелкие насекомые, потом, где-то с двух-трех недель можно давать мясо, лучше если мелко нарезать и смешать с сырыми яйцами и толченым мелом. Он нужен для панциря. Недель с шести самечков отсадить отдельно, потому как самки станут формировать химны и подавят. Потом уже, в химны можно подсаживать, по двое-трое на одну. Признак взрослости у всех – шипы на головных пластинах, чем массивнее и длиннее, тем и старше.

Туран перевел дух и огляделся: слушали внимательно, даже Безымянный и тот, казалось, теперь смотрел исключительно на ящики с яйцами.

– Как только шипы проклюнутся, самки начнут гнезда рыть. Тут бы им песка, и чтобы жарко было. День на десятый после откладки яйца можно забрать, только сразу предупреждаю – самки в это время бешеные, нужно действовать очень осторожно. Что еще... Они умные, обучать легко, но опасно – они страх и неумелость сразу чувствуют.

– Замечательно, – перебил Ыйрам. – Мы довольны, что с нами отправится действительно знающий человек.

– Да, да, – закивал Заир. – Уважаемый, вы не представляете, как сложно найти того, кто действительно разбирается в сцерах...

Отправится с ними? Разбирается? Нет, это была роль Карья, а Туран всего-навсего сопровождение! И ящеров он видел лишь издалека: кто б его, нечистого, к ним подпустил? А вот теперь кто б его, несчастного, отсюда выпустил...

– Какие-то сложности? – Ыйрам нахмурился. Очевидно, что сложностей он не любил. И решать привык по-своему. Упрямый волох не станет разбираться.

Карья бы договорился. Карья бы нашел нужные слова, чтобы отправить Турана назад, в Байшарру, в уютные классы старика Ру-Маха. А еще присоветовал бы, как на соревновании выступить. Карья в стихах разбирался. Он во всем разбирался. И будь нынче здесь, вопроса о том, кому в Наират ехать, не возникло бы.

– Я не могу, – Туран попытался говорить твердо и решительно. – Я остаюсь здесь.

– Погодите, уважаемый, как это? Как это вы остаетесь здесь? А кто, с позволения сказать, будет исполнять договоренность? Нам гарантировали не только товар, но и специалиста!

– Специалист погиб.

– Увы, увы, в жизни случается всякое, – сочувственно закивал Заир, оглаживая бородку. – Однако умные люди способны найти выход и из непредвиденной ситуации. К примеру, предположу, что ваше нежелание продолжить путешествие связано с рассказами обо всяких ужасах, которые творятся у нас.

– Лживыми рассказами, – грубо вклинулся Ыйрам. И рука снова схватилась за пустоту. Нет, все же Турану хоть в чем-то повезло: будь при волохе плетка или меч...

– Воистину прав мой многоуважаемый друг, это ложь и клевета. Сплошные кузнецовы балабонки. К слову, слышали последнюю? «Я не знаю, чего хочу», – сказал огонь в горне. И сожрал кузнеца! Правда, забавно?

Заир визгливо рассмеялся. Только вот в глазах его смеха не было. Предупреждает? Решайся, Туран, или сожрут тебя, как того кузнеца.

– Мы гарантируем полную безопасность во время пребывания... на нашей территории, – сказал Заир, отсмеявшись. – И очень надеюсь, что награда поможет принять решение. Ваш безвременно почивший партнер озвучил сумму?

– Вдвое, – опять перебил Ыйрам, сжимая кулаки. – Ты едешь с нами.

Если и первоначальная цена была огромна по представлениям Турана, то удвоенная, она в голове и вовсе не укладывалась.

– Подумайте, молодой человек, – Заир больше не улыбался, и серьезность совершенно не шла этому толстому лицу. Она искажала и уродовала черты, вызывая в памяти воспоминания о сказочных карликах, живущих по ту сторону мира.

В Наирате в них тоже верят, только считают демонами.

– Хорошо подумайте, прежде чем ответить. Это, – Заир провел рукой по крышке, – само по себе бесполезно. Вы не получите ни гроша. Вы не сумеете продать это кому бы то ни было еще. Вы останетесь в чужом городе с ненужным и опасным товаром. И с большими проблемами. Я не угрожаю, нет, но если сделка не состоится, то покупатель имеет право выразить недовольство. И не только исполнителем, но и лицом, за него поручившимся. Я не тороплю вас, я говорю, что мы выступаем утром, а потому неплохо было бы вечером знать, сколько мест просить в караване уважаемого Гаяши.

– Но я не специалист!

– Что-то мне подсказывает, что вы скромничаете, – снова улыбнулся Заир, засовывая ладошки в широкие рукава кемзала. – Похвально. Еще один приятный довод в пользу сотрудничества с вами.

Мысли перекатывались в Турановой голове подтаявшими ледышками: не ехать, никуда не ехать... Они думают, что деньги что-то решают, они уверены в этом. А если он исчезнет? Не получив никакой платы, просто испарится? Нет, это не просто подозрительно, это – почти провал... И плевать. Можно потянуть время, и к Ниш-Баку, как Карья сказал. Пароль – яйцо. Позволят взять? Но пока не получены деньги, это его товар. Пусть волохи смотрят, пусть думают, что хотят, лишь бы отсюда выпустили, а дальше что-нибудь придумается.

Туран достал из ящика яйцо и сунул в карман.

– Вы... уверены? – поинтересовался Заир.

– Мне нужно подумать.

– Конечно, конечно, но зачем вам это? – выразительный взгляд и очередная ласковая улыбка.

– Думаться будет легче, – отрезал Туран, унимая дрожь в руках. К демонам всю эту затею, без него пускай развлекаются, ему уже на сегодня хватило.

– Ну что ж, уважаемый, не смею вас задерживать. Тогай, проводи его в зал, позаботься, чтобы накормили. И нам подавать вели, и скажи, чтоб тмина не жалели на ребра! Да, да, уважаемый Туран, остальной товар пока останется у нас, вы сами всё понимаете.

Город жил. Он скулил на множество голосов, торгуя и торгуясь, ссорясь из-за рыбьих голов да перемороженной репы. Дребезжали повозки, ступала важно стража, бродячими псами крутились нищие. Но здесь, в кольце стен, неугомное движение было быстрее и злее. Оно порождало злость и тупое осознание собственной беспомощности.

Свободу даст... от мук освободив, укроет милосердно...

– Милосердия Всевидящего ради! Пожалейте, добрый господин. – Старик поспешно откинул лохмотья, выставляя изъязвленные ноги.

– Пожалейте, пожалейте, – заголосил другой, одноглазый и криворотый. – Осиротили!

– Сюда, господин, сюда. – Толстобрюхая женщина в линялой цигейке схватила за рукав. – Девушки, прекрасные и свежие, словно первые цветы! Согреют лучше вина!

От неожиданности Туран дернулся так, что чуть не повалил безобразную сводню, но та явно привыкла к подобному обращению и лишь крепче сжала пальцы. За что чуть было не получила удар под ребра: Туран с трудом сдержал нервическое движение.

– Старые и морщинистые ослицы! – Краснолицая, с повязанным на голове меховым платком старуха прилипла к другому боку. – Не слушайте ее! Она обозных шлюх понасобрала! А истинное наслаждение – в «Доме Ошара»: молодые и опытные, послушные и настойчивые!

На ее появление Туран отреагировал намного спокойнее.

- Тошие кильки! Сифилитички!
- Ах ты, стерва!
- Я тебе говорила – не лезь сюда, потаскуха!

Туран, кое-как высвободившись из цепких лап занятых ссорой зазывалок, заспешил прочь.

– Господину больше по душе мальчики? – Хитро прищурился старичок в кургузом кафтанчике. Лицо его было красно от мороза, а губы, покрытые коростой простуды, тянулись в вымученной улыбке – Или господин не ищет радости для тела? Может господину нужна иная помощь в чужом городе?

Карья говорил, что из Шуммара отправит Турана домой, а он, дурак, еще злился, что не достоин доверия. Вот тебе и доверие, вымученное, смертью выбитое, кровью оплаченное, бери, сколько сил хватит! Да только не осталось сил этих, одно стыдное желание убраться отсюда подальше.

подавив отвращение, Туран вложил в заскорузлую лапу старика монетку и тихо сказал: – Господин ищет, где бы редкую книгу купить. Очень редкую.

Лавку наполнял аромат книг. Отчетливо пахло свежим пергаментом, что еще хранил благоухание первозданной чистоты, и пергаментом старым, запах которого являл собой особую смесь чернил, времени и сухой прохладной утробы книгохранилищ. Был тут и пергамент также старый, но хранившийся долгое время небрежно. От него исходила слабая плесневелая вонь страдающего существа. Резко смердели собранные на широком подоконнике склянки с химикалиями для травления, червления и полировки тяжелых окладов, и мягко вплетались в это амбре нежные ноты ликопоного масла и сушеных мышинных грибов.

Эта знакомая и отчаянно отличная от какофонии уличных запахов смесь успокаивала. Почти как дома, почти как в библиотеке, не хватает только благородного мрамора стен и сладкой тишины, нарушаемой шелестом одежд, осторожными шагами, бормотанием, а изредка, чего уж там, и криками благородных мужей, забывшихся в поиске истины.

И свет тут другой. Окон много, а света мало: то ли стекла нехороши, то ли полки с книгами мешают, но в помещении сумрачно.

– Чем могу помочь господину? – Человек вышел откуда-то из-за полок. В руках он держал кипу страниц, зажатую между двумя дощечками, и дохлую мышь. Причем ее – едва ли не с большей осторожностью, чем попорченную книгу. Сам человек был вида весьма обыкновенного – невысокий, сутуловатый, с бледным лицом и характерным близоруким прищуром глаз. Облачение его – длинный шерстяной халат, теплые домашние туфли и чепец – придавало облику степенность и домашний уют.

– Все ли хорошо у господина? – поинтересовался человек. – И может ли старый Ниш-Бак чем-нибудь помочь той беде, следы которой он видит в этих глазах?

– Может, – Туран сунул руку в карман и вытащил яйцо. Сквозь полупрозрачное золото скорлупы просвечивал темный силуэт зародыша. Яйцо хотелось сжать в кулаке, чтобы треснула скорлупа и потекла по пальцам желто-красная жижа, чтобы хоть как-то, хоть кому-то отомстить.

Ниш-Бак молча обошел Турана, замкнул дверь и поманил за собой наверх.

... освободив, укроет милосердно... беспамятство.

Запутались слова.

На втором этаже лавки пахло по-прежнему книгами, но запах этот казался острее и злее. Теперь в нем было больше кисловатой плесневелой вони, а еще дымной и навязчивой ликоповой. Черные крупинки семян виднелись и на полу, и на книжных полках, и на подоконниках, гораздо более узких и грубо сработанных, чем внизу.

– Мыши, – пояснил Ниш-Бак, рукавом вытирая стол. – Расплодились, з-заразы, теперь не вывести. И грызут, и грызут, и портят. Вот ты посмотри, чего творят!

Он разрезал бечеву, стягивавшую доски и продемонстрировал поеденные в лохмотья листы.

– Кошку надо бы завести новую. Сбегают, заразы. Или мрут, – Ниш-Бак продолжал бормотать, выставляя на стол плетеную корзинку с сухими хлебцами, кувшин, кубки, нарезанное мясо и сыр, глиняные горшочки с повязанными тканью горловинами.

– Ешь и рассказывай, – велел он, вываливая в миску холодный, слипшийся красно-розовыми комочками плов. Турана затосило.

– И не бойся, сюда мыши не добираются, тут я их... – Ниш-Бак поднял тельце за хвост-нитку, не глядя, кинул в ведро и, доверчиво улыбаясь, добавил. – Хуже этих тварей только люди.

Мыши? Да какие мыши, о чем он тут думает, когда такое случилось?! Карья погиб, волохи требуют, чтобы Туран отправился с ними, и неизвестно что сделают с грузом, если он не поедет. А если так, то выйдет, что все зазря? И пустыня, и бадонги с их нежеланием говорить о ящерах, и долгие переговоры с шаманом, который то грозился предать смерти, то наоборот, плакался о грехах; и дорога назад, и Карьяна гибель.

Но ведь Туран не может отправиться! Ему домой надо, в Байшарру, и чтобы к соревнованию успеть, чтобы забыть, чтобы все как раньше.

– А не будет «как раньше»! – рявкнул Ниш-Бак, обрывая поток Турановой речи. – Никогда не будет, потому как тут, – он пальцем постучал по лбу, – тут ты будешь помнить все, каждый день, каждый час, каждое метание глупой души. Ешь, тебе говорят.

Кислый плов забивал глотку жиром, есть его было невозможно, как невозможно противиться приказу, произнесенному таким тоном. И потом Туран с благодарностью принял кубок со светлым, тоже кислым, но хотя бы не жирным вином.

– То, что случилось, плохо, очень и очень плохо, – Ниш-Бак задумчиво поглаживал изгрызенные листы. – Прежде всего тем, что ты и вправду плохая замена для Карья. Очень плохая замена. Но Всевидящий пишет судьбы мира, а мы лишь в меру ничтожных сил своих можем пытаться изменить ту или иную букву, реже – слово, еще реже, если очень повезет, – строку.

– Я не хочу...

– Чего? Что именно тебя так пугает? Необходимость на некоторое время отправиться в Наират? Поверь, там совсем не так ужасно, как об этом рассказывают. Да и пугают в этих историях вовсе не тем, чем следовало бы. А может, и не следовало бы?

– Я не понимаю!

– Я и сам понимаю не всегда, – признался Ниш-Бак, поднимаясь. – Идем, я покажу тебе мои сокровища. Я и вправду торгую книгами, вернее покупаю, вымениваю, выискиваю. Собираю редкости, а потом отправляю туда, где им самое место. Идем же.

В этой комнате не было полок, только сундуки – длинные, узкие, из железного дерева, с бронзовыми петлями-запорами.

– Это чтоб мыши не добрались, – пояснил Ниш-Бак, откидывая крышку ближайшего. Достал он изрядно изуродованный фолиант: с одной стороны страницы были подпорчены огнем, с другой – разбухли от влаги, но чернила не размылись и даже на коричневой, пожженной части буквы проступали четко. – «Молчащая флейта», последнее творение Саяра из Лешты.

– Того...

– Да, Туран, того самого глупца, который не пожелал покинуть родной город, хотя мог бы бежать. И жить мог бы. А вот это «О зельных травах милостью Всевидящего растущих, о

свойствах их и характерах». Название длинное, автор вряд ли тебе известен, но был умнейшим человеком. Впрочем, порой опасно быть слишком умным.

Ниш-бак вдруг усмехнулся, поколдовал над крышкой сундука, извлек из распахнувшегося секретного отделения совсем тонкую книжицу и протянул ее Турану. Среди плотных россыпей какой-то неизвестной тайнописи порхали на стрекозиных крыльях скланы.

– Ну а за этот... хм... фолиант многие отдали бы сотню жизней. Кстати, и отдали.

Рисунки были мелкими, но выполненными с особой тщательностью. Приглядишься, и рассмотришь сложный узор на крыльях или выражения лиц – одинаково безбровых, большеглазых, но вполне себе человеческих. Да и вообще на людей похожи, разве что как-то слишком уж хрупки выписанные миниатюристом тела, непропорционально длинны руки и ноги, и не оттого ли непомерно широкими кажутся плечи? Особенно у этих двух, замерших друг напротив друга, разделенных вязью символов и соединенных черными хвостами кнутов. Бой? Ритуал? Дуэль? Да Турану-то какое дело?

– При чем тут книги? – Туран бережно положил книжицу обратно.

– А при чем Байшарра? Ежегодные соревнования чтецов, библиотека, едва ли не крупнейшая в Кхарне...

– Крупнейшая.

– Допустим, – охотно согласился Ниш-Бак, укладывая книжицу в потайное отделение. Сунув руку в карман, вытащил горсть черной соли, которой щедро сыпанул на остальные книги. Запахло ликопой, и Ниш-Бак чихнул.

– Допустим, крупнейшая. И город славный, крупный и богатый. И люди в нем живут хорошие, такие, что любят книги и чтецов, готовы слушать, радоваться, ждать праздника. – Он подошел к следующему ящику и вынул том в тяжелом серебряном окладе, поманил рукой и, протянув, велел. – Открой. Скажи, байшаррец, доводилось ли видеть книги с такой вот печатью?

Первый лист, нежно-хрупкий, едва тронутый сеткой трещинок был чист, лишь в нижнем углу виднелась круглое клеймо ярко-красного цвета в виде наклоненной башни.

– Богатая была библиотека в Нэште, на весь Мхат-Ба славилась. Как и сам город. Что с ним случилось?

– Его сожгли по приказу кагана Кай-Тэ, обвинив в мятеже и укрывательстве запрещенных трактатов.

– Молодец, – похвалил Ниш-Бак, бережно принимая драгоценную книгу. – Историю знаешь, только, верно, никогда не думал, что она имеет особенность повторяться.

– Байшарра – не...

– Не город Наирата. На печатях ее библиотек горы, а не Понорки, – мягко перебил Ниш-Бак. – Пока. Но кто знает, кто знает. Сколько раз случалось падать тому, что заявлено неприступным? Сколько раз случалось платить за гордость кровью? Сколько раз чей-то каприз оборачивался последствиями непоправимыми и необратимыми? Ты отказываешься ехать? Пускай. Не в моих силах тебя заставлять. Я даже помогу тебе выбраться, отправлю сопровождать книги, раз ты больше ни на что не годен. Но учти Туран, наирцы получили груз. Они попытаются вырастить сцэрхов. С тобой или без тебя, но у них это выйдет. Магия – серьезное подспорье во многих делах. А раз уж маги заинтересовались такими редкостями, как горные ящеры, то вряд ли для того, чтоб просто полюбоваться на них. Нам стоило больших трудов перехватить этот контракт, еще больших – его исполнить. И вот теперь, лично вложив в руки волохатых дубину, способную проломить ворота Байшарры, ты отворачиваешься и трусливо говоришь – не могу?

Лучше бы он кричал, на крик Туран ответил бы криком. А что ответить человеку, который спокойно и уверенно излагает собственные Турановы мысли?